

Лина

Филимонова

Снежный поцелуй

Они встретились в самолете, по пути на горнолыжный курорт. Она приняла его за студента, хотя на самом деле он — директор компании, в которой она мечтает работать. Все начиналось как безобидный розыгрыш, но может закончиться катастрофой, ведь он по-настоящему в нее влюбился. А она... оценит ли она эту затянувшуюся шутку? Или, приняв ее за жестокую насмешку, навсегда исчезнет из его жизни?

Глава 1

Такси подъедет через пять минут, а чемодан все никак не хочет закрываться, крышка выгнулась спиной кашалота, шарф свисает сбоку длинным розовым языком. Это все лыжный костюм виноват, он такой огромный! Одни штаны заняли полчемодана. Может, все-таки не брать с собой сапожки на каблуках? Но они так здорово смотрятся с облегающими брючками и коротенькой курточкой, которая сейчас на ней. Не будет же она там все время ходить в меховых ботинках, мало ли какой случай...

Марьяна распахнула крышку и еще раз оценивающе оглядела вещи, выбранные для поездки на горнолыжный курорт. Джинсы, свитера, шапка, перчатки, косметичка... Нет, решительно, здесь нет ничего лишнего. Она же не взяла вечернее платье или боа из перьев. Все, что лежит в чемодане, ей совершенно необходимо. Телефон пискнул: такси у подъезда. Марьяна решительным жестом выбросила любимые изящные ботиночки, намотала розовый шарф на шею и, надавив коленом на крышку, застегнула чемодан. Какой может быть случай, если она едет отдыхать с родителями и семьей брата? Только лыжи до упаду и бокал глинтвейна перед сном в теплом семейном кругу. Каблуки не понадобятся.

Она считала себя специалистом по сбору чемоданов и подготовке к путешествиям. Поездки — короткие и длинные, дальние и ближние, развлекательные и деловые были ее страстью. Марьяну всегда приводили в изумление люди, годами сидевшие на одном месте и не желавшие посмотреть мир. Ее заветным желанием было кругосветное путешествие, которое длилось бы как минимум год, но об этом пока можно только мечтать. Зато великолепный семейный отдых в одном из самых комфортабельных отелей модного горнолыжного курорта (именно так было написано на сайте) был ее сегодняшней реальностью.

Этот тур Марьяна выбрала сама, после того, как на семейном совете было решено — в кои-то веки! — съездить куда-нибудь всем вместе. Родители уже несколько лет не выбирались дальше дачного поселка, жена брата, Катя, пару лет назад вышедшая из декретного отпуска, тоже, по ее утверждению, забыла, как выглядит чемодан. Племянник Кирилл всего один раз был на море, да и то неудачно: выяснилось, что у него аллергия на акацию, которая в момент поездки как раз активно благоухала. Роман, молодой отец буйного отпрыска и, по совместительству, брат Марьяны, тоже маялся от отсутствия новых впечатлений, прозябая в очень серьезной и очень скучной юридической конторе.

Только Марьяна работала в заведении, которое могло, хотя бы частично, удовлетворить ее любовь к путешествиям — она была менеджером туристического агентства. Когда-то, принимая решение перейти с факультета управления на факультет туризма и курортного дела, студентка Марьяна Григорьева думала, что ее жизнь будет состоять из трансатлантических перелетов, переговоров в тени пальм с кокосовым коктейлем в руках, средиземноморских закатов и тропических восходов.

Как она ошибалась! Ее день начинался с переговоров по скайпу в тени нависающего солидной массой начальника Артура Борисовича, продолжался чаепитиями с капризными клиентами, и заканчивался созерцанием заката на календаре в раздумьях над ежемесячным отчетом. Интересные командировки были, скорее редким исключением, чем правилом. Еще бы, мизерное турагентство с громким названием «Альтаир» — единственное, где ей

предложили работу по специальности, имело весьма ограниченные возможности. Его штат, не считая уборщицы и считая директора, состоял всего из четырех человек, занимало оно скромное помещение в одном из офисных центров, и, что самое обидное, работало всего лишь с несколькими проверенными направлениями.

Марьяне же хотелось неограниченных возможностей, больших объемов, новых стран и континентов. Если бы ей дали шанс, она бы развернулась, она бы показала, на что способна... Взять, например, самого крупного туроператора в городе, «Синюю птицу» — там к каждому сезону придумывали что-то новенькое и необычное, постоянно создавали интересные предложения, давали нестандартную рекламу. И желающие путешествовать просто валом валили!

После того, как у нее в руках оказался заветный диплом, Марьяна первым делом отправилась в «Синюю птицу», несмотря на то, что ей по телефону сказали, что их штат полностью укомплектован. Они же не знали ее, не знали какие у нее зреют грандиозные планы и какими она обладает организаторскими способностями! Им так и не суждено было об этом узнать. Максимум, что ей мог предложить их специалист по кадрам — вакансию курьера, замаскированную наименованием «помощник менеджера по туризму». Марианна обиделась и ушла.

Теперь она об этом жалела. Прошло полтора года, с тех пор как она, устав обивать пороги крупных фирм, устроилась в «Альтаир», и за это время ее карьера не продвинулась вверх ни на миллиметр. А если бы она работала в «Синей птице», то, глядишь из «помощника» уже стала бы секретарем или оператором, а там, может, и менеджером... А менеджер крупного туроператора — это совсем не то же самое, что менеджер мизерного турагентства. Две большие разницы, как говорится.

Директором вожделенной «Синей птицы» был Арсений Владимирович Журавлев, с которым ее родной брат Ромка когда-то учился на юридическом факультете. Они не были близкими друзьями, но ведь совместное разгрызание гранита науки что-то да значит! К тому же они иногда виделись на встречах выпускников, жали друг другу руки, хлопали по плечам, пили текилу, возможно, даже предавались сентиментальным воспоминаниям... И этот человек, который называется ее братом, зная о ее заветной мечте ни разу не сказал Арсению Владимировичу: «Знаешь, есть один хороший специалист, работает в твоей сфере...»

Ромка, кажется, думает, что она до сих пор школьница со средней успеваемостью, вечно ободранными коленками и привычкой везде опаздывать. Он и не заметил, что она не только сильно выросла, но и очень изменилась. Она окончила институт с красным дипломом! Брат на это только хмыкнул. Кажется, он подумал, что ей его вручили по ошибке. Ну ничего. Она ему докажет. Покажет, как сильно изменилась, продемонстрирует, как хорошо разбирается в своей области. Она от него не отстанет, пока он не даст ей слово познакомить ее с директором «Синей птицы». Для нее именно это, а не семейное единение — главная цель поездки. Цель, которой она обязательно добьется.

Размышления Марьяны прервал голос таксиста:

— Приехали.

Марьяна очнулась и полезла в сумку в поисках кошелька.

Войдя в здание аэропорта, девушка взглянула на часы: до вылета оставалось полтора часа, регистрацию она прошла по интернету, оставалось сдать багаж. Все семейство уже было на курорте, она летела одна, ее отпуск начинался на два дня позже. Похоже, им там понравилось. Мама вчера звонила и восхищенно рассказывала, что из их четырехкомнатных

апартаментов открывается потрясающий вид на заснеженные вершины, а внизу шумит бурная горная речка. Кататься на лыжах она, правда, не рискует, да и некогда: нужно во все глаза следить за внуком, с которым не справляется целая группа опытных лыжных инструкторов.

Подойдя к стойке регистрации, Марьяна услышала за спиной какой-то шум и оглянулась. Ее глазам открылось замечательное зрелище: два великовозрастных оболтуса с веселым хохотом везли багажную тележку, нагруженную сноубордами в чехлах и объемными спортивными сумками. Поверх сноубордов восседал третий оболтус в лыжных очках и куртке с надвинутым на глаза капюшоном. Процессия остановилась неподалеку от очереди, выстроившейся к стойке, причем остановка была очень резкой: пассажир скатился с горы на мраморный пол. Марьяна отвернулась от шумной компании, которая продолжала возиться на полу среди багажа, чтобы скрыть улыбку. Именно в этот момент она осознала, что у нее отпуск — первый с тех пор, как она начала самостоятельную жизнь и трудовую деятельность.

— У студентов каникулы, — произнес стоящий рядом с ней мужчина. — Развлекаются.

Ей показалось, что в его голосе прозвучали скрытые нотки зависти. Она тоже ощущала нечто подобное. Осознание себя взрослым человеком не позволило бы ей валяться на полу в аэропорту, но она с огромным удовольствием повалится в сугробах со своим гиперактивным племянником. Они будут играть в снежки, строить крепости, кататься на санках, лыжах и коньках, и еще неизвестно, кто получит от всех этих забав больше удовольствия, шестилетний Кирилл, или его взрослая тетя. И все это произойдет уже через несколько часов! Марьяна почувствовала, что ее губы расплываются в широченной радостной улыбке.

Самолет был совсем небольшой, кресла в два ряда, видимо, желающих лететь на горнолыжный курорт набралось немного. Регистрируясь, Марьяна выбрала себе прекрасное место: у окна, почти в самом начале. Ей очень хотелось, чтобы рядом с ней никого не было, и сначала она подумала, что ее желание сбылось, место оставалось пустым, все рассаживались сзади. Но в последний момент в самолет ворвалась компания студентов, которые где-то задержались, и вот уже рядом с ней усаживается тот самый тип в лыжных очках и надвинутым на глаза капюшоне. Марьяна вздохнула, придвинулась ближе к окну и стала смотреть на рабочих, забрасывающих чемоданы в багажное отделение.

— Привет! — услышала девушка рядом с собой.

она увидела, что ее сосед, в отсутствие очков и капюшона, имеет вполне интеллигентное лицо. Серые глаза, густые темно-русые брови и такие же волосы, улыбка — мечта ортодонта и угловатый подбородок.

— Привет, — ответила она.

— Меня зовут Арамис, — представился молодой человек.

— Очень за вас рада. Редкое и красивое имя.

— Согласен.

Марьяна видела, что два его друга, расположившиеся чуть позади в соседнем ряду, с интересом за ними наблюдают. Вид у них был такой, как будто они делают ставки. Она не хотела участвовать в этом аттракционе и снова отвернулась к окну. Двигатели самолета зашумели громче, голос по громкой связи попросил всех пристегнуть ремни и ознакомиться с инструкциями по технике безопасности. Марьяна откинулась в кресле и закрыла глаза.

— Если рассуждать чисто гипотетически, есть всего два варианта: лыжи и сноуборд, — произнес ее сосед. — Я думаю, что ты лыжница. Более того, я в этом почти уверен.

— Продолжай, — произнесла Марьяна, не открывая глаз.

— Когда наши сноуборды рухнули на пол, и я придавил их своей тушкой, у тебя ни один мускул на лице не дрогнул. А ведь они могли сломаться! Лично я очень разволновался.

— Где ты учишься? — спросила Марьяна.

— Что? — не понял Арамис.

— Вроде простой вопрос... Я думала, ты студент.

— А, ну да. Студент.

— Наверное, айтишник.

— Почему ты так решила?

— Они все немного чокнутые.

— Это комплимент? — рассмеялся сосед. — Вообще ты чуть-чуть промахнулась. Я юрист. Юристы — солидные люди.

— И друзья твои тоже?

— Ага. Тоже юристы. Выдающиеся умы.

— Не сомневаюсь.

— Так я угадал? Лыжи?

— Может, у меня деловая командировка.

— На горнолыжный курорт?

— Я в турагентстве работаю.

— Ого! Круто. Интересная работа?

— Мне нравится. Люблю путешествовать.

— Все время в разъездах...

— Ага. То Европа, то Азия, то вообще... Африка и Антарктида. Развлекаюсь на полную. А тебе придется сидеть в конторе, перебирать бумажки, листать уголовный кодекс, выступать на судах, рассказывать клиентам, какие они дураки...

— Откуда такие познания в юридическом деле?

— Да так...

— Я думаю, тебя зовут Маша.

— С чего это?

— Я заглянул в твой билет. Правда, плохо разглядел, он неудобно лежит.

Марьяна посмотрела на свой билет, засунутый в карман стоящего впереди кресла.

— Не вздумай меня так звать, — строго сказала она. Имя «Маша» ей совершенно не нравилось. Ее зовут Марьяна.

— А как мне тебя называть?

— Марьяна Викторовна.

— Вот это да!

— А ты как думал?

К концу полета Марьяна поняла, что ее сосед не такой уж обалдуй, как можно было подумать, наблюдая его вкуче с друзьями. Такой феномен не был для нее новостью. Она еще в школьные годы поняла, что мальчишки, если брать их по отдельности — вполне нормальные и адекватные люди, с которыми можно продуктивно и интересно общаться. Но как только они собираются компанией — все. Срабатывает какой-то дремучий стадно-пещерный инстинкт и каждый из них, колотя себя в грудь, пытается доказать собратьям, что

он такой же троглодит, как и они. Когда они взрослеют, в их поведении наблюдаются некоторые перемены, но они поверхностные. Копни поглубже — и обнаружишь под личиной любого солидного бизнесмена чумазого сорванца, изо всех сил пытающегося доказать товарищам, что это он первый придумал кидаться яйцами с девятого этажа или расплющивать ключи от квартиры под рельсами трамвая.

Арамис (ясно, что это не настоящее имя, но какая разница?) оказался забавным и легким в общении парнем. Она сама не заметила, как рассказала ему сначала о своей работе, а потом и о семье, особенный успех имели истории о неугомонном племяннике. Оказалось, что у ее собеседника тоже есть малолетние родственники, вернее родственницы, две близняшки, то ли двоюродные племянницы, то ли троюродные сестренки. Он часто их навещал, а в один незабываемый день даже остался с ними наедине на целый вечер... Марьяна хохотала до слез, когда он описывал, как пел им колыбельную — песню про звезду по имени Солнце, единственную, которую помнил наизусть, потому что когда-то подбирал на гитаре.

Из самолета они вышли вместе. Арамис представил ее друзьям, которых звали Лось и Кузя. Они были сдержаны и вежливы, не гоготали и не толкались, и Марьяна подумала, что неплохо иметь на отдыхе знакомых, с которыми можно при случае перекинуться парой слов или, например, сходить вечером в боулинг.

— А я была уверена, что вы — Атос и Портос, — сказала она.

— Ни в коем случае, — отозвался тот, кого звали Лосем.

— То есть ты на Лося не обижаешься?

— Лось — благородное, крупное и воинственное животное.

— И рогатое, — добавил Кузя, за что получил внушительный тычок в бок.

— А вот и мой брат! — воскликнула девушка, увидев приближающегося Романа. — Я вас сейчас познакомлю.

— Конечно, конечно, — пробормотал Арамис и, к ее удивлению, растворился в толпе вместе с друзьями, пока она махала брату.

Глава 2

В реальности горнолыжный курорт выглядел даже лучше, чем на фотографиях. Марьяна восторженно разглядывала невероятной высоты горы, вершины которых терялись где-то в облаках, быструю речку, обрамленную элегантной новой набережной, многочисленные гостиницы и кафе, составляющие единый архитектурный ансамбль, гармоничный и при этом достаточно разнообразный.

— Да тут просто обалденно! — воскликнула она, когда они выбрались из такси.

— Да, — кивнул Роман, с видом старожилы. — Местечко что надо.

— Эй, а почему ты так странно ходишь? — Марьяна заметила, что брат, везущий ее чемодан, переваливается с боку на бок, как беременная утка.

— Посмотрим, как ты будешь ходить через пару дней почти непрерывного катания.

— Что, мышцы болят? Это потому что ты в спортзал не ходишь. А я тебя предупреждала. Заплыл жиром, как...

— Не рекомендую продолжать, — угрожающе произнес Ромка. — Иначе через секунду будешь торчать вверх ногами из ближайшего сугроба.

— Всю дорогу об этом мечтала, — с восторгом произнесла Марьяна, нежно оглядывая сугробы на газонах возле отеля.

— Если бы не мои больные мышцы...

— Эх ты, развалина, — фыркнула девушка и, схватив пригоршню мягкого пушистого снега, подбросила его вверх.

Входя в номер, Марьяна ожидала, что в дверях на нее, как это всегда бывало, ураганом налетит Кирилл, но ее ждал сюрприз. Молодой человек сдержанно поздоровался и продефилировал из одного угла огромной гостиной в другой, демонстрируя глянцевый белый шлем, настоящие горнолыжные очки, огромные перчатки и наколенники. Изящество его походки немного портили тяжелые лыжные ботинки, но любящая тетя все равно оценила представшую ее глазам картину.

— Не может быть! — воскликнула она. — Что это за чемпион тут разгуливает? Откуда он взялся? Видимо, пришел в гости... После того, как завоевал все медали. А где же мой любимый племянник Кирилл?

— Это же я! — завопил малыш, довольный произведенным эффектом. — Он сорвал с себя шлем и бросился в объятия Марьяны.

Она закружила его по комнате.

— Ты что, уже катаешься на лыжах? Сам? И без меня? Я тоже хочу!

— Я знаешь, вчера как упал! У меня во-от такая шишка была на лбу. Бабушка сказала: больше не пущу. А дедушка сказал: не плачь, казак, атаманом будешь. А я и не плакал совсем.

— Больно было?

— Ни капельки. А теперь мне шлем купили. Видела?

— Видела. Сейчас я переоденусь, и пойдем в снегу валяться.

— Валяться? А на лыжах ты не будешь, что ли? Смотреть, как я катаюсь.

— Буду, конечно. Только давай сначала повалею. Мне очень хочется.

— Ну, тогда ладно, — согласился Кирилл.

Канатная дорога работала до семи вечера, а когда Марьяна приехала, было уже четыре, поэтому спортивную программу было решено отложить на следующий день. Девушка заметила, что семья восприняла известие о вечернем отдыхе с энтузиазмом.

— Они тут за два дня так накатались, что еле ходят, — сказала мама. — А отец вчера кубарем с горы летел, я думала, у меня сердце остановится. Чудом ничего не сломал.

— Это полная ерунда, — отозвался папа, восседавший с газетой у телевизора. — Я падал технически правильно, был сгруппирован и контролировал процесс.

— Видела, как ты его контролировал. Лыжи в одну сторону, палки — в другую.

— Да так и должно быть! Лыжи отстегиваются во избежание травм. А палки я сам выбросил, они мне только мешали. И хватит об этом. В следующий раз буду падать подальше от твоих глаз.

— А можно вообще не падать?

— Можно. Но пока не получается.

— А что, страшные здесь горки? — спросила Марьяна.

— Ужас, — ответила мама. — С одной стороны пропасть, с другой — обрыв.

— Супер, — сказал Ромка. — Нигде еще таких трасс не видел.

— Разные есть, — добавила Катя. — И простые, и жутко сложные. Я пока на зеленых катаюсь, пару раз на синих попробовала. Полный восторг. Завтра сама увидишь.

После плотного ужина в ресторане гостиницы, где Кирилл удивил всех примерным поведением, семья поднялась в апартаменты, располагавшиеся на восьмом этаже. Катя пошла укладывать Кирилла, который начал засыпать еще за десертом, мама решила принять ванну, а отец и сын в одинаковых позах дремали на диване у телевизора, синхронно похрапывая.

Марьяна постояла у окна гостиной, понаблюдала за полетом снежинок в желтом свете фонарей и поняла, что находиться в этом сонном царстве для нее просто невыносимо. Понятно, что они устали, но она-то только приехала и полна сил. Раз лыжи сегодня недоступны, она пойдет на каток. Распотрошив чемодан, она разложила одежду по полочкам большого шкафа в своей комнате, надела лыжный костюм, варежки, меховые ботинки и, никем не замеченная, вышла из номера.

Настроение у нее было приподнятое, прямо-таки новогоднее, хотя Новый год прошел месяц назад. Но тогда не было такого почти сказочного снегопада, таких пушистых зеленых елочек и такой праздничной, и в то же время удивительно уютной атмосферы. Из кафе, сверкающих разноцветными огоньками, доносилась негромкая музыка, в том, мимо которого сейчас проходила Марьяна, был виден огромный пылающий камин, возле него стояли столики с мягкими диванами. По набережной прогуливались люди в лыжных костюмах, и все как один выглядели удивительно счастливыми. Она тоже улыбалась, направляясь к зданию с огромной надписью «Каток».

На коньках Марьяна каталась хорошо, не то что на лыжах. Завтра она наверняка будет летать со склонов кубарем похлеще папы, но зато сегодня можно расслабиться и получать удовольствие. Она надела белые фигурные коньки и вышла на лед. Народу на катке было не очень много, места хватало всем, и девушка легко заскользила, на ходу вспоминая как делать повороты, крутиться вокруг своей оси и двигаться назад. Марьяна чувствовала себя парящей ласточкой, в отличие от большинства посетителей катка, которые жались к бортикам или неуверенно переставляли ноги в центре, пытаясь повторять движения, виденные по

телевизору.

А вот и новые посетители. Ну конечно, три мушкетера во главе с Арамисом. Марьяна даже не сомневалась, что они рано или поздно встретятся, курорт-то совсем небольшой, но не думала, что сегодня. Они выехали на лед плечом к плечу, и вскоре девушка поняла причину такого странного способа катания. Тот, кто находится в середине, передвигаться на коньках практически не мог. И, когда его товарищи разъехались в разные стороны, беспорядочно замахал руками, пытаясь удержать равновесие. Марьяна негромко рассмеялась и помчалась в его сторону, набирая скорость.

Арамис, а это был он, выглядел как щенок, выбежавший на паркет: конечности предательски разъезжались, хотя он изо всех сил старался держать их рядом друг с другом.

— Это тебе не сноуборд, — крикнула Марьяна, пролетев мимо и немного притормозив на ходу.

Молодой человек от неожиданности потерял равновесие и плюхнулся на лед пятой точкой.

— Вставай! — Марьяна подъехала к нему и подала руку.

— Привет, — Арамис улыбался, держал ее за руку и, похоже, подниматься и не думал. — Ты одна?

— Ага. Мои все спят.

— Даже брат?

— Брат вообще еле передвигается после двух дней интенсивного катания. А чего ты так интересуешься моим братом?

— Да я не...

— И куда вы так неожиданно испарились в аэропорту?

— Да мы не испарились, просто... Лосю показалось, что кто-то тащит наши сноуборды, ну мы и ринулись их спасать. Оказалось — ложная тревога.

— Брось его, — сказал подъехавший Лось. — Пусть отдыхает.

— Правильно, — поддержал его Кузя. — Он безнадежен. Не отличает правую ногу от левой.

— Вставай, — повторила Марьяна и дернула Арамиса за руку. — Холодно.

— Я встану, как только вы дадите мне алгоритм. Я не знаю, как вставать с этими штуками на ногах. — Он указал на коньки.

— Сначала переворачиваешься пятой точкой кверху, потом встаешь на колени. Потом, держась за лед, ставишь по очереди коньки на лезвия и медленно выпрямляешь ноги. А уж потом принимаешь вертикальное положение.

— Понял.

Арамис выполнил озвученную последовательность действий и через пару секунд оказался рядом с Марьяной.

— У тебя что, в детстве коньков не было? — спросила девушка.

— Не было. Я на юге жил.

— Все с тобой ясно. А как же ты сноуборд освоил?

— Это же совсем другое дело. Почти как скейт или серфинг.

— Я тебя научу, — сказала Марьяна.

— Правда? — воодушевился Арамис. — А то эти обормоты только издеваются.

— Вот, смотри. Сначала скользишь на одной ноге, потом переносишь вес на другую. Колени согнуты, корпус наклонен вперед...

Арамис старательно повторял все движения.

— Я чувствую себя очень странно, когда называю тебя Арамисом, — произнесла Марьяна.

Она остановилась у бортика, где последние пятнадцать минут стоял, как приклеенный, ее ученик и отказывался выходить на лед. Он только восхищенно хлопал глазами, наблюдая за легкими и изящными движениями Марьяны. Коньки как будто сами несли ее по льду, она не прилагала ни малейших усилий.

— Почему это? — спросил он.

— Какое-то нечеловеческое имя. Как тебя зовут на самом деле?

— Ты, в виде исключения, можешь звать меня Сеня. Хотя вообще-то я никому этого не позволяю.

— Я польщена. Сеня. Хорошо. Просто и понятно.

— А я... Можно я буду звать тебя Марьяна, а не Марьяна Викторовна?

— Ты меня так и зовешь!

— Но я же без разрешения. Пусть все будет официально.

— Ладно. Официально разрешаю тебе звать меня Марьяна. Но ни в коем случае не Маша.

— Я помню.

— Давай еще кружок. У тебя уже лучше получается.

— Думаешь? — с надеждой спросил Сеня, ноги которого, действительно, уже не так разъезжались, как в начале, но все еще выписывали очень далекие от фигурного катания кренделя.

Марьяна взяла его руку и потащила за собой. Он согнулся и напряженно перебирал ногами, как огромный краб. Девушка с трудом удерживалась от смеха, но понимала, что такая реакция не прибавит уверенности ее подопечному. А ведь он так старается! Она подумала, что из нее бы получилась хорошая учительница, терпеливая и уравновешенная. Ее не капли не раздражало то, что Сеня никак не мог уловить, каким образом нужно переставлять ноги и переносить на них вес тела.

— Жаль, что тут не идет снег, — сказала Марьяна и посмотрела на теряющуюся в вышине крышу. У катка не было стен, но крыша, закрывающая днем лед от лучей яркого солнца, присутствовала. А еще здесь были ряды сидений для зрителей, в центре которых она недавно видела Кузю и Лося. Но теперь их нигде не было.

— Ты не устала? — спросил Сеня.

— Я — нет. А ты устал.

— Ни капельки.

— Да ладно. Я же вижу. У тебя ноги скоро в узел завяжутся. Пойдем лучше прогуляемся. Проводишь меня до гостиницы.

— Ура, — с облегчением выдохнул Сеня.

— А, может, зайдём куда-нибудь? Выпьём по бокалу глинтвейна? Я тут знаю одно местечко...

Марьяна с сомнением посмотрела на своего провожатого. Свидание с ним точно не входило в ее планы. Но кто говорит о свидании? Ни о чем подобном не было и речи. А выпить согревающего глинтвейна после интенсивных упражнений на катке — самое то.

— Так ты здесь не в первый раз? — спросила она.

— В третий. Или четвертый, не помню уже.

— Здесь волшебно. Как в сказке. И тишина такая... Хоть и слышно музыку вдалеке, все равно такое ощущение, что тихо. Странно, правда?

— Это из-за снега.

— Да... В городе такого снега не бывает.

Марьяна запрокинула голову вверх и поймала губами снежинку.

Все-таки это было похоже на свидание. То есть сначала не было: Сеня привел ее в то самое кафе с камином, мимо которого она недавно проходила, усадил за столик в самом дальнем углу, заказал глинтвейн, потом еще... Потом они поняли, что страшно проголодались и съели по большому куску мяса с овощами. Выбрали десерт. Выпили еще по глинтвейну и попросили принести большой чайник чая.

И все это время их оживленная беседа не прерывалась практически ни на секунду. Марьяна нашла в лице нового знакомого заинтересованного слушателя и в приступе вдохновения, которые с ней иногда случались после бокала вина, описывала ему необычные туристические туры, которые придумывала на досуге. Она рассказала о своей заветной мечте слетать в Антарктиду и организовать там необычный маршрут для всех любителей экстремального отдыха. Потом перешла к идее гастрономических поездок в Италию, Францию, Японию и другие страны. Своей очереди ждали описания тура для маленьких принцесс — по замкам Австрии и Венгрии, оздоровительные путешествия в Индию, stalking по заброшенным городам и многое другое.

Сеня внимал ее речам с восторгом, перебивал только для того, чтобы уточнить какую-нибудь деталь и вообще был идеальным собеседником. Но все же к моменту, когда в чайнике закончился чай, Марьяна поняла, что ее одолевает зевота, и, если она немедленно не отправится в постель, то может уснуть прямо здесь.

— Все, — сказала она.

— Как — все? — удивился Сеня. — Ты же говорила, у тебя миллион идей.

— Так оно и есть. Но сейчас я их тебе рассказать не могу.

— Почему?

— Засыпаю. Только хорошее воспитание удерживает меня от того, чтобы растянуться прямо на этом диванчике и мирно захрапеть.

— Так наплюй на него, — посоветовал молодой человек.

— На кого?

— Да на воспитание. Спи.

— Вот еще. Давай собираться. Свистни официанту, что мы уходим.

Марьяна была твердо намерена оплатить половину счета — не хватало еще грабить бедного студента! Но студент оказался твердым в своих принципах.

— Я не бедствую, — сказал он. — И еще никогда в жизни не позволял платить девушке, которую пригласил в ресторан.

— Так то — девушке, — сонно пробормотала Марьяна. — А я-то не девушка.

— Да ну? — искренне удивился Сеня. — Хочешь сказать, что ты парень?

— Я имела в виду, что я не девушка в этом смысле... Не запутывай меня. Ну ты понял, что я хотела сказать.

— Не могу даже представить. Но уверен, что по поводу твоего пола не ошибся.

На улице всю сонливость Марьяны как рукой сняло. Вечер был замечательный.

Снежинки тихо падали на белые тротуары, на крыши домов и скамейки, уже покрытые пушистым одеялом, кружились в ореоле фонарей и ложились на подставленные им ладони. Они шли медленно по тихой, как будто зачарованной улице, молчали и почему-то держались за руки.

— Ну вот, — сказала Марьяна, когда они дошли до ее гостиницы. — Здесь я живу.

— А где твое окно? — спросил Сеня.

— На восьмом этаже. — Она задрала голову и стала сосредоточено считать окна. — Наверное вон то, третье от угла. Темное. Или нет. Четвертое. Третье — это детская, там обитает мой племянник.

В этот момент небо над ней качнулось, а земля под ногами потеряла устойчивость. От падения ее удержали крепкие руки, обхватившие талию, но голова все равно продолжала кружиться, потому что это был невероятно нежный, невероятно пылкий и невероятно долгий поцелуй. А, главное, — невероятно неожиданный.

— Ты... Я... — пробормотала Марьяна, когда ее дыхание вернулось в норму. — Что ты делаешь?! — Она попыталась вложить в этот возглас максимум возмущения.

— Только не говори, что тебе не понравилось, — прошептал ей в самое ухо хриплый голос.

— Не понравилось. Отпусти меня.

— Не отпущу, — Сеня еще крепче сжал ее в объятиях.

— Отпусти, — повторила она, но уже не так яростно. — Я не собиралась... — начала она.

— И я не собирался. Просто ты... не оставила мне выбора.

— Я?!

— Я же не железный. А ты на меня так смотрела...

— Я?!

— Да я шучу. Всегда начинаю шутить, когда сильно смущаюсь.

— Сеня. Давай я пойду спать. Это все как-то слишком.

— Хорошо. Иди. А я останусь здесь и буду всю ночь вздыхать под твоим окном. Может, даже серенады начну петь.

— А, может, я ошиблась, и мое окно совсем с другой стороны?

Марьяна рассмеялась, высвободилась из его объятий и скрылась за спасительными дверями гостиницы. Поднимаясь в лифте, она чувствовала, что ее сердце бьется в бешеном ритме. И ей почему-то хочется сделать что-нибудь эдакое... то ли подпрыгнуть, то ли просто воспарить над землей. Это же просто какое-то сумасшествие. Нет, она точно сошла с ума. Или он. Или они оба.

Подойдя в темноте к окну своей комнаты, Марьяна увидела, что Сеня все так же стоит возле фонаря, где она его оставила, и смотрит вверх. Она включила свет и помахала ему рукой. Он помахал ей в ответ. Раздеваясь в ванной, девушка увидела в зеркале свое покрасневшее лицо с застывшей на нем мечтательной улыбкой. Она попыталась придать лицу серьезное выражение, но у нее ничего не получилось. Улыбка не хотела сходиться с ее уст.

— Это сумасшествие, — произнесла она вслух и включила душ.

Оказавшись в комнате, Марьяна снова подошла к окну и снова увидела там Сеню. Он стоял, прислонившись к фонарю, и смотрел вверх. Вокруг него кружился хоровод снежинок, улица была абсолютно пуста. Марьяна почему-то подумала, что запомнит эту картину

надолго, может, даже на всю жизнь. Так же как этот нежный-снежный поцелуй... Она смотрела на него, он — на нее. Между ними было толстое стекло, десятки метров и — мощное притяжение, которое ощущалось физически.

«Он, наверное, замерз, — подумала Марьяна. — Глупый. Зачем он здесь стоит?»

Она помахала ему рукой. Он сделал тоже самое. Она с помощью жестов попыталась объяснить ему, чтобы он шел спать. Он пожал плечами и развел руки в стороны. Неужели не понятно? Она еще раз изобразила, как он уходит и ложится спать. Сеня кивнул и пошел, постоянно останавливаясь и оглядываясь. Марьяна дождалась момента, когда он скрылся из виду, и только после этого выключила свет и юркнула в постель.

В ее голове царил полный кавардак, она не знала, что происходит, и что обо всем этом думать. Приготовившись хорошенько поразмыслить и попытаться разложить все по полочкам, она мгновенно уснула.

Глава 3

У него и в мыслях не было обманывать девушку. Он даже знакомиться с ней поначалу не собирался. Но студенческий дух (или бес?), который вселился в него при встрече со старыми друзьями, как будто сам тянул его за язык. И он сказал, что студент, что учится на юридическом... И его друзья тоже.

Это не было ложью, это было правдой, но не сейчас, а семь лет назад. Университет они давно окончили и были вполне взрослыми, по крайней мере, с виду, людьми... пока не решили вспомнить былые времена и рвануть на горнолыжный курорт, в первый раз за все эти годы — вместе. Втроем. Без жен, подруг, знакомых и т. п. Старой компанией. Подобные попытки предпринимались и раньше, но всегда что-то мешало: то несовпадение отпусков, то внезапный перелом ключицы (у Лося), то запланированная свадьба (у Кузи), то новый проект (это, как правило, у него самого).

И вот, впервые все шло по плану — они должны были выбросить из головы все проблемы и расслабиться на полную катушку. Но теперь ему совсем не до этого. Вмешалась случайность. Она. Марьяна. Привлекательная девушка с длинной челкой, синими глазами и необыкновенно симпатичными ямочками на щеках... От ее улыбки его сердце плавилось, а язык сам собою начинал молотить какую-то невероятную чепуху, над которой она почему-то постоянно смеялась. А смех ее так похож на журчание звонкого весеннего ручейка, юного и задорного.

И надо же было случиться такому, что ее кровным родственником оказался давний знакомый и бывший однокурсник троих друзей Роман по кличке Самовар! Когда в аэропорту Марьяна объявила, что сейчас познакомит его с братом, и он увидел Ромку, ему хватило сообразительности исчезнуть, прихватив друзей. Они поначалу сопротивлялись, но он рявкнул: «Быстро!», и они послушались.

Потом ему пришлось объясняться. Рассказывать, что выдал себя и их за студентов.

— А что, круто, — гоготали они. — Видишь, как мы молодо выглядим, юные девушки принимают нас за своих ровесников и даже младших друзей. А ты говорил — пить меньше надо, бегать по утрам...

— Да ну вас, — плюнул Арсений, он же Арамис, он же Сеня. — Лучше скажите, что мне теперь делать.

— Как что? Сейчас позвоним Самовару и попросим не выдавать нас. И будем развлекаться дальше, — провозгласил Лось, или Алексей Лосев, юрист крупной автомобильной компании.

— Думаешь, он согласится?

— А что ему, жалко, что ли?

— Не знаю. Это же сестра, а не кто-нибудь, — сомневался Арсений.

— Сестра — это не хухры-мухры, — изрек Евгений Кузнецов, адвокат, по прозвищу Кузя.

— Да уж. И кто меня за язык тянул... Просто она спросила: где учишься? Ну я и ответил.

— Да что такого? — удивился Лось. — Не хочешь развлекаться, скажи, что пошутил.

— Она обидится.

— Точно, обидится, — подтвердил женатый и поэтому более сведущий в женской психологии Кузя.

— Все равно придется признаваться, рано или поздно. Если ты заинтересован, конечно.

— Я заинтересован. Конечно, я признаюсь. Только надо выбрать подходящий момент.

— Главное, чтобы Самовар тебя не разоблачил, — подытожил Кузя. — Иначе потом не докажешь, что ты не верблюд. Признание должно быть личным и чистосердечным.

— Вот развели, — хмыкнул Лось. — Не понимаю я этих сантиментов. Студент, не студент — какая разница?

— Дурак ты, Лось, — буркнул Арсений.

— А чего сразу Лось — дурак?

Неожиданная встреча на катке спутала все его планы. На льду объясняться было неудобно, и он отложил это до кафе. А в кафе Марьяна начала рассказывать ему о своей работе и туристических идеях (очень интересные, кстати, у нее были мысли) и он не смог заставить себя сказать, что вовсе не тот, кем она его считает.

А потом была прогулка, прощание, поцелуй... Ну почему он не сдержался, почему надо было спешить? Теперь все еще больше запуталось.

С раннего утра Арсений был озабочен только одним: встретиться с Романом и попросить его сохранить их инкогнито. Как этому подступиться, он не знал. Надо было позвонить и договориться о встрече, и при этом было очень желательно, чтобы во время звонка Ромка не ляпнул лишнего, вдруг рядом окажется Марьяна. Арсений решил, что разговор в социальных сетях пройдет легче. Как только он увидел, что однокурсник появился в онлайн, сразу написал:

«Есть конфиденциальный разговор»

«И тебе привет, Арамис. Я не в городе»

«А где?»

«На лыжах катаюсь»

«А конкретнее? Что в данный момент делаешь?»

«Завтракаю, а что?»

«Приходи к отелю «Зима», прямо сейчас»

«Ты что, тоже здесь?!»

«Подробности при встрече»

Вид у Романа, вошедшего в холл, был немного озадаченный. Еще бы, переписка с однокурсником получилась довольно странной. Но когда он увидел Арамиса, Лося и Кузю, его лицо расплылось в улыбке.

— Мужики! Вот это встреча!

После того, как все должным образом друг друга поприветствовали, и Роман начал планировать их совместный досуг, Арсений произнес:

— Надо поговорить.

— Говори.

— Тут такое дело...

Он посмотрел сначала на Кузю, потом на Лося, и те послушно испарились.

— Да что случилось-то? — недоумевал Роман.

— В общем, когда мы летели в самолете, я познакомился с девушкой.

— Молодец. Времени зря не теряешь.

Роман хлопнул Арамиса по плечу.

— Она почему-то решила, что мы студенты, видимо, из-за того, как мы резвились в аэропорту. Не знаю. Ну, я не стал ее разубеждать. Сказал: да, студенты, учимся на юридическом.

— Прикольно, — отозвался Роман. — Не знаю, правда, как таких взрослых лбов можно принять за студентов... Ну и развлекайся. Я-то тут при чем?

— Видишь ли, оказывается, эта девушка — твоя сестра, — выпалил Арсений.

— Марьянка? — Рома опешил.

— У тебя что, еще сестры есть?

— Нету больше...

Арсений молча смотрел на однокурсника, как осужденный в ожидании приговора. Тот выглядел растерянным.

— Слушай, — вдруг расхохотался Роман и хлопнул друга по коленке. — А ведь она так мечтала с тобой познакомиться! Все уши мне прожужжала: познакомь да познакомь!

— Что?! — Арсений совершенно ничего не понимал. Марьяна мечтала с ним познакомиться! Да такого просто быть не может. — Со мной?

— Ну да. Она же второй год мечтает в «Синей птице» работать. Говорит: ты же учился с Журавлевым, можешь меня порекомендовать... Я, кстати, уже собирался, а теперь, оказывается, она без меня справилась.

Арсений только растеряно хлопал глазами, пытаясь осознать то, что услышал.

— Этого еще не хватало, — пробормотал он.

— Так, значит, она не знает, что ты — тот самый Журавлев? — дошло, наконец, до Романа.

— Она вообще не знает, что я Журавлев. Я представился Арамисом.

— Ну и дела! Представляю, как у нее глаза на лоб полезут! Хотел бы я это увидеть.

Он снова засмеялся, видимо представив эту картину в красках.

— Слушай, у меня к тебе просьба, — серьезно произнес Арсений. — Очень большая просьба. Можешь ничего ей не говорить? Что я — тот самый Журавлев, что мы вместе учились... Вообще, что ты меня знаешь.

— Что-то мне это не очень нравится...

— Думаешь, мне нравится? Просто я хочу сам все объяснить.

— Вот, значит, как. Все серьезно?

— Ну... похоже.

— Да вы же только вчера познакомились!

Арсений пожал плечами.

— Ну что, сможешь пару дней держать это в себе?

— Пару дней?

— На всякий случай. Но я постараюсь рассказать все сегодня.

— Мне, конечно, не жалко, — протянул Роман. — Но потом она меня убьет. Когда узнает, что я знал, но молчал.

— Да мы можем вообще не встретиться до того как... Хотя вряд ли получится. Ты же сейчас кататься идешь? И она. И Лось с Кузей. Ну и мне тоже придется, не дома же сидеть. Так что обязательно увидимся. Трасс много, но они все пересекаются...

— Так мне придется делать вид, что я не только тебя, но Лося с Кузей не знаю?

— Ну да.

— Ладно, чего не сделаешь для старого друга. Так она меня убьет, а проболтаюсь — тебя.

— Думаешь, обидится?

— Уверен. Решит, что ты издевался.

Арсений тяжело вздохнул.

— Да ладно, не трусь. Она, хоть и буйная, но отходчивая. Долго злиться не может. Я тебе как специалист говорю.

Глава 4

Пробуждение Марьяны было внезапным и довольно болезненным: ее нос подвергся нападению маленьких цепких ручек.

— Попалась, которая кусалась! — кричал Кирилл, самозабвенно дергая ее за самую выступающую часть лица.

— Ты что, совсем озверел? — возмутилась девушка. — Мне же больно!

— Хватит дрыхнуть, соня! — парировал он.

— Иди отсюда. Я спать хочу.

— Ты что?! Уже утро. Надо идти на лыжах кататься.

Только сейчас Марьяна заметила, что племянник явился к ней в полном лыжном снаряжении.

— О господи, — пробормотала она. — Прекрасный семейный отдых.

В этот момент она вспомнила вчерашний вечер. Неужели все это случилось на самом деле? Может, это был сон? Она познакомилась в самолете с веселым парнем, у которого прекрасно подвешен язык, а все остальное ей приснилось? Да нет, она явственно помнит, что встретила его на катке. А потом они зашли в кафе... Все было. Это не сон.

Марьяна откинулась на подушке, предаваясь воспоминаниям о самом приятном в ее жизни поцелуе. Поймав себя на этом, она объявила себе строгий выговор. Что за дела? Неужели она всерьез увлеклась этим мушкетером? Да, он очень обаятелен. У него красивые выразительные глаза. Прекрасное чувство юмора. Сильные руки и нежные губы... Стоп. Хватит.

Это была просто минутная слабость, так и запишем. Романтический вечер, томный свет фонарей, снежинки, глинтвейн... Да, точно. Это глинтвейн во всем виноват. Под воздействием алкоголя вполне можно принять обычную симпатию за влюбленность. Потом все это выветривается, вместе с винными парами. На него что-то накатило, на нее тоже — совсем чуть-чуть. Сегодня она будет вести себя как ни в чем ни бывало. А как еще?

В этот момент ей на голову приземлился шерстяной носок. Размер не оставлял сомнений в том, кто являлся его обладателем. К тому же нос этого самого обладателя высовывался из-за приоткрытой двери.

— Я сейчас твой носок в окно выброшу, и тебя не пустят на лыжах кататься, — пригрозила она.

— Не-ет! — раздался громкий вопль и Кирилл пулей влетел на ее кровать и выхватил у нее носок.

— Он тебя разбудил? — спросила Катя, возникшая в дверном проеме.

— А ты сомневаешься в его способностях?

— В общем, на долгий сон не рассчитывай. Такой уж у тебя на этот раз отпуск. Советую лечь пораньше. Кстати, как вчера повеселились?

— Неплохо.

— С кем-нибудь познакомилась?

— Ага.

— Расскажешь?

— Попозже.

На самом деле Марьяне совершенно не хотелось ничего никому рассказывать.

Плотно позавтракав, все семейство отправилось покорять горные вершины. У всех, кроме Марьяны, уже были лыжи, а ей предстояло отправиться в прокат и подобрать подходящую пару. Роман вызвался ей помочь.

— Где бродила вчера вечером? — спросил заботливый брат, пока она примеряла ботинки.

— А тебе-то что? — как было между ними принято, не очень вежливо ответила сестра.

— Ну как, я же волнуюсь. Где ты там, с кем...

— Ты — волнуешься? С чего бы это? Никогда раньше такого за тобой не замечала. Не помню, чтобы ты, хотя бы раз позвонил и спросил, где я брожу.

— Я же знаю, что ты сообразительная девочка. В обиду себя не дашь. И потом, волноваться за тебя — это мамина обязанность.

— Вот именно, — подытожила Марьяна.

Лыжи были подобраны, и брат с сестрой разместились в гондоле подъемника, чтобы подняться на первый уровень, где их ждали остальные. Марьяна непрерывно вертела головой, ей все было очень интересно.

— А где трассы? Я что-то не одной не вижу.

— Они все выше первого уровня.

— А сколько их всего?

— Я не считал, там висит огромная карта, посмотришь. Советую начать с самой простой, для разминки.

— А ты?

— Я вчера один раз прокатился на черной.

— Ну ты даешь, — восхищенно выдохнула Марьяна. — Страшно было?

— Не очень. Я почти всю дорогу на пятой точке ехал. Упал в самом начале. — Девушка хихикнула. — Посмотрел бы я на тебя...

— Да я и близко к таким трассам не подойду. Не только к черным, но и к красным. А, может, даже и к синим. Мой удел — зеленые, вместе с малышней.

— Ну и правильно. Голова целее будет.

— Ты меня пугаешь?

— Предостерегаю.

— Знаешь, до этого я не боялась... А теперь боюсь.

Роман только хмыкнул.

— А мы с Виктором Егоровичем уже скатились по разу, — похвасталась раскрасневшаяся Катя. — Он снова пошел на подъемник, а я вас жду.

— А где мама с Кириллом? — спросила Марьяна.

— Вон там, в «Лягушатнике», — она махнула рукой в сторону огороженной сеткой площадки с совсем небольшой горкой и крошечным подъемником, где копошилась малышня от трех до семи под присмотром нескольких инструкторов.

— Ну что, вперед?

— Я хотела карту посмотреть...

— Там все так сложно, только запутаешься. Сейчас поднимемся на второй уровень, и я тебе покажу самую легкую трассу. На самом деле она совсем неинтересная, нет вообще

никакого разгона.

— То, что мне нужно для начала.

— Вон, видишь, здесь она заканчивается. Так что встретимся на этом самом месте.

— А ты где будешь спускаться?

— Я по соседней, синей. Она тоже несложная. Думаю, ты после первого спуска захочешь на нее перейти.

— Посмотрим.

Роман объявил, что настоящие асы на мелководье не торчат и, прихватив свой сноуборд, отправился покорять пока не доступные девушкам вершины.

Марьяна оттолкнулась палками и въехала в небольшой туннель, с которого начиналась трасса. Через несколько секунд она уже была на открытом пространстве. Двигаться было совсем несложно, ноги, когда-то прошедшие несколько занятий с инструктором, быстро вспомнили, как себя вести и Марьяна вполне удачно вписывалась в повороты и изгибы пути. Трасса, действительно, оказалась легкой, даже слишком. Усилий прикладывать не пришлось, и можно было оглядеться.

Красота вокруг была просто потрясающая: горные вершины чередовались с долинами, отвесные скалы с пологими спусками. Снег был необыкновенно мягким и рыхлым, он так сильно напоминал сахарную вату, что его хотелось съесть. А на небе светило яркое солнце, отражаясь от белой поверхности, усиливая его жар. Марьяна порадовалась, что послушалась совета и надела темные очки и не стала натягивать теплый свитер. Было по-настоящему жарко, некоторые лыжники и сноубордисты катались в футболках, а самые отчаянные — даже без них.

Оказавшись внизу Марьяна немедленно захотела попробовать трассу посложнее и подошла к карте. Разобраться в этом переплетении синих, зеленых, красных и — о ужас! — черных линий, действительно, было непросто. Трассы извивались причудливыми змейками, тянулись длинными линиями, пересекались, соединялись и разветвлялись. Канатных дорог тоже было несколько, и с ними было далеко не все понятно.

— Ужас, — выдохнула Марьяна.

— Не забивай голову, — услышала она голос Кати. — Легче спросить у кого-нибудь. Давай, пора снова вверх. Как тебе трасса?

— Я бы попробовала что-нибудь посложнее.

— Я же говорила! Давай поднимемся на четвертый уровень.

— А я на каком сейчас была?

— На втором.

— Может, тогда, на третий?

— Да нет, на четвертом есть зеленая трасса. Легкая, но длинная. Тебе понравится.

Трасса, действительно, была несложной. Почти вся. Кроме одного спуска, где Марьяне показалось, что она сейчас покатится кубарем. Но она справилась! Круто повернула в одну сторону, потом в другую, сбросила скорость и поняла, что она — настоящий лыжник, а не чайник какой-нибудь. От восторга она громко крикнула что-то вроде: «У-ху-у!» и ей ответило несколько голосов сверху и снизу. Марьяна понеслась дальше, уже не сбавляя скорость, выбирая интересные траектории движения и издавая время от времени радостные кличи.

Она попробовала еще одну трассу, потом еще, потом решила перейти с зеленой на

синюю... Через пару часов, на одном из длинных спусков, она почувствовала, что ее ноги одеревенели и мелко дрожат.

Оказавшись внизу, она с огромным удовольствием рухнула в сугроб. Вскоре к ней присоединились Катя и Роман. Оба были необыкновенно возбуждены и имели ярко-красные лица.

— Вы похожи на вареных раков! — захохотала Марьяна.

— А ты на сырой помидор, — парировал Роман.

— Что, я тоже красная?

— Еще какая.

— Надо отдохнуть.

— Пошли в кафе посидим, чаю выпьем, — предложила Катя. — Может, Кирилла с бабушкой найдем.

— Дед тоже, наверное, где-то здесь, — произнес Роман. — Наверняка выбился из сил.

— Пошли. Только я встать не могу. И так ноги не поднимаются, а еще эти ужасные ботинки, — простионала Марьяна.

— Думаешь, я тебя буду из сугроба вытаскивать? Сама залезла, сама и вылезай.

— Тогда я здесь останусь. Принесите мне чаю на обратном пути.

— Вставай, простудишься. А ты, давай, ее подними, — скомандовала Катя.

Ромка быстро исполнил приказ.

— Почему это он тебя всегда слушается, а меня — никогда? — выразила свое удивление Марьяна.

— Вырастешь, поймешь, — ответил брат.

Марьяна сгребла в охапку лыжи, палки и двинулась в сторону кафе. И тут она увидела их. Вернее, его. На нем была ярко-салатовая куртка, те самые темные очки и бандана, которая ему очень шла. Видимо, он только что съехал с горы на своем сноуборде. Кажется, он тоже ее увидел. Он остановился, и Марьяна на мгновение подумала, что он сейчас сбежит — у него был какой-то испуганный вид. Но он не сбежал, а широко улыбнулся и помахал ей рукой.

Она помахала в ответ и поправила волосы, которые, конечно же, ужасно растрепались.

— Кому это ты машешь? — спросила Катя.

— А, это мои новые друзья. Я с ними вчера познакомилась.

— Где? Вон те трое? По-моему, я их где-то видела...

В этот момент она споткнулась, запуталась в лыжах и рухнула в сугроб. Роман бросился ее поднимать, а Марьяна сделала несколько шагов навстречу приближавшемуся Сене.

— Привет, — сказал он.

— Привет, — повторила она.

— Катаешься?

— Да... А ты?

Мысли Марьяны о том, действительно ли она выглядит как помидор или брат преувеличил, прервал он сам, ткнув ее в спину.

— Может, познакомишь нас со своими новыми друзьями? — произнес он каким-то неестественно развязным тоном.

— Арамис, — протянул брату руку Сеня.

Марьяна в этот момент не отрывала взгляд от его лица, и ей показалось, что он взволнован. Неужели его беспокоит, какое впечатление он произведет на ее брата? Лично ее

это не волнует ни капельки. Сеня представился Кате.

— Лось, — произнес Лось чрезвычайно серьезно и величественно поклонился.

— Кузя, — присел в реверансе его друг.

Катя захихикала.

— Мы собирались выпить чаю, — сказала Марьяна и посмотрела на Сеню.

— А мы собирались сверзиться с точки две тысячи триста метров, — произнес Лось.

— Я с вами, — сказал Роман. — А вы идите, отдыхайте, — обратился он к Кате и Марьяне.

— Ну, мы пошли, — Кузя рванул вперед.

— Дамы, — Лось сделал вид, что приподнял шляпу.

— Увидимся, — сказал Сеня и поплелся вслед за друзьями.

— Чего это он? — Марьяна посмотрела на Катю. — Говорил же что устал и хочет чаю.

— Вообще-то это я говорила. А он пусть катается. Ему же одному скучно. А тут друзья...

— Вообще-то это мои друзья.

— Ты что, ревнуешь? — рассмеялась Катя.

— Ну вот еще. Пусть себе катается. Если ему со мной неинтересно.

— Кому?

— Да никому.

Марьяна с Катей часа два пили чай, потом еще несколько раз прокатились по разным трассам и поняли, что у них больше нет сил.

— На сегодня хватит, — сказала Марьяна и сняла лыжи.

Родители с Кириллом к тому моменту уже были в гостинце, Роман исчез в неизвестном направлении, видимо, все еще покорял вершины в компании трех мушкетеров.

— Я, пожалуй, сделаю еще пару подходов, а потом найду Ромку.

— Давай.

Еле передвигая ноги, Марьяна добрела до раздевалки, переобулась и загрузила инвентарь в камеру хранения. Без тяжелых ботинок она чувствовала себя легкой, как пушинка и чуть ли не вприпрыжку побежала к подъемнику. Она на ходу вскочила в гондолу, плюхнулась на скамейку. Только после этого она увидела, что на соседней скамейке сидят Кузя и Лось.

«А где Сеня?» — чуть не спросила она. Но ей удалось закусить губу и удержать готовые сорваться с языка слова.

— Как покатались? — произнесла она вместо этого.

— Супер! — Кузя поднял большой палец.

— А у тебя как успехи? — вежливо поинтересовался Лось.

— Ну, по вашим меркам, наверное, не очень... Но для меня это огромное достижение. Я каталась по синим трассам и почти не разу ни упала.

— Падать — это нормально, — сказал Лось. — Я сам половину времени провел в сугробе. И ничуть об этом не жалею.

— Видела бы ты, как Арамис пропахал носом склон, почти с самого верха до самого низа...

— Что?! — вскочила Марьяна и сразу снова села. — Где он? С ним все в порядке?

— Да что ему делается, — хмыкнул Кузя. — Скорую вызывать не стали. Отряхнулся и

снова в гору полез.

— Не волнуйся, — сказал Лось. — Арамис жив и абсолютно здоров. Снежные ванны ему только на пользу.

Марьяна попыталась сделать вид, что ей все равно.

— Ну и хорошо. Просто вы без него и я вдруг подумала...

— Да вон он, впереди. С Самоваром.

И он махнул рукой в сторону опережающей их гондолы.

— О, а ты здесь откуда? — спросил Роман, когда они оказались внизу.

— От верблюда, — огрызнулась Марьяна. — Тебя Катя искать собиралась.

— Да? Я ей сейчас позвоню.

Он отошел. Сеня разговаривал с друзьями и не обращал на нее ни малейшего внимания. Ну, что ж, раз ее общество никого не интересует, то она отправится в номер, примет ванну, упадет на кровать и включит телевизор. Может, удастся найти какую-нибудь интересную программу.

— Марьяна, — услышала она за спиной, не успев сделать и трех шагов. Сеня догнал ее и пошел рядом. — Весь день хотел тебя увидеть.

— А я весь день от тебя пряталась.

— Правда?

Она только хмыкнула.

— Как вообще... дела? — спросил Сеня.

— Дела идут, — коротко ответила Марьяна и прибавила шаг.

— Ты куда-то торопишься?

— Ага.

— Куда, если не секрет?

— Мечтаю принять ванну, выпить чашечку кофе... ну и так далее.

— Хорошая программа. А я бы чашечкой кофе не обошелся. Голодный как зверь.

В этот момент Марьяна поняла, что она тоже нечеловечески проголодалась, и ноги у нее трясутся не только от усталости, но и от голода. Она же ничего не ела с самого завтрака, кроме пары крошечных пирожных, а сейчас уже время обеда, или даже полдника!

— О! — воскликнула она. — Я, оказывается, тоже сегодня не обедала.

— Теперь понятно, почему ты такая злая.

— Я не злая! — возмутилась девушка.

— Огрызаешься, того и гляди зарычишь. Я прямо чуть в панику не впал. Но теперь все понятно. Тебя надо накормить, и ты снова будешь добрая и пушистая.

— Пожалуй, ванну я отложу. Где тут кормят голодных волков?

— Предлагаю совершить набег на пиццерию. Вон ту, с открытой террасой. Там вкусно и вид красивый.

Марьяна сначала хотела заказать первое, второе, третье и двойной десерт, но, подумав, рассудила, что столько в нее не поместится. Они с Сеней выбрали пиццу с морепродуктами на двоих и по тарелке грибного супа с гренками.

— А там видно будет, — добавил он.

— Ага, — согласилась Марьяна. — Только у меня условие.

— Ты меня пугаешь.

— Сегодня я тебя угощаю.

— Еще чего не хватало.

— Даже и не думай со мной спорить, — серьезно произнесла девушка. — Иначе я сейчас уйду.

— Так прямо и уйдешь? От пиццы, грибного супчика, и, возможно, вкусного десерта?

— Да. Я, знаешь, какая упрямая.

— Даже не догадываюсь.

— Ну что, ты согласен?

— А что, у меня есть выбор?

— Нет, — Марьяна была довольна. Теперь они на равных. Она будет знать, что не напрягает человека с неизвестным для нее финансовым положением.

— Но это первый раз, когда за меня платит девушка, — сказал Сеня.

— Не знаю, какие у тебя были девушки... — начала Марьяна.

— Да почти никаких, — перебил ее Сеня.

— Наверное, раньше тебе не приходилось водить в кафе взрослую самостоятельную женщину.

— Кого?

— Меня!

У него было такое лицо, как будто он хочет что-то сказать, но ему не хватает слов. Он даже пару раз открыл и снова закрыл рот.

— Да уж, — пробормотал он.

Когда остался последний кусочек пиццы, Марьяна произнесла:

— Нет, десерт я, пожалуй, не осилю.

— Согласен, — кивнул Сеня и погладил себя по животу. — Зверь наелся до отвала.

— Я теперь добрая и пушистая.

— Не могу передать, как я рад. Чем планируешь заняться вечером? Надеюсь, у тебя остались силы?

— На лыжи? — испуганно спросила Марьяна.

— Можно и на лыжи... Но я бы предпочел коньки. Сегодня у нас будет следующий урок?

— Ты что, мало сегодня падал?

— Вообще не падал.

— Я слышала другое...

— А, я забыл, что ты общалась с этими троглодитами. Они все врут.

— Что именно?

— Не знаю, но я бы на твоём месте не верил ни одному их слову.

— А вы прямо с самой вершины скатывались?

— Ага.

— Ужас. Даже подумать страшно. Я, правда, наверху еще не была, мне и четвертого уровня хватило...

— Как не была? — Сеня вскочил и схватил ее за руку. — Пошли!

— Куда?

— Наверх.

— Прямо сейчас?

— У нас еще есть два часа до закрытия канатки.

— Ну... ладно. Пошли.

Глава 5

Когда гондола отъехала от площадки четвертого уровня и начала раскачиваться, Марьяна схватила Сеню, сидевшего с ней рядом, за руку. Последний отрезок пути был самым крутым, гондола двигалась почти вертикально. Прямо перед ними была отвесная скала, слева и справа от которой располагались более пологие, но все равно очень сложные спуски.

Сноубордисты и лыжники, казавшиеся сверху яркими игрушечными фигурками, зигзагами носились по белому полотну. Некоторым из них было мало проложенных трасс, они осваивали целину, поднимая фонтаны снежных брызг. У Марьяны захватывало дух при виде кульбитов, которые они выделывали. И все это буквально на краю пропасти!

— Ну они дают!

— Класс! — согласился Сеня. — Тут самые лучшие трассы.

— Но это же очень опасно! — воскликнула Марьяна.

— Да нет, не очень, если знать, что делаешь.

— Вот здесь вы и катались?

— Ага.

— Хорошо, что я этого не видела.

— А мне жаль...

— Да у меня бы сердце остановилось от страха.

— За меня? — Сеня сжал ее руку.

— И за тебя тоже, — девушка опустила глаза.

Выбравшись из гондолы, они забрались на деревянную смотровую площадку, огороженную перилами. У Марьяны захватило дух, когда она окинула взглядом открывшуюся панораму. Горную вершину, на которой они стояли, окружали другие заснеженные вершины, казавшиеся очень близкими, но, на самом деле, расположенные в нескольких километрах друг от друга. За этими вершинами были другие, за ними — следующие, и так до бесконечности. Горы, долины, снова горы...

И все это было пронизано удивительной атмосферой величественного, какого-то даже торжественного покоя. Здесь хотелось разговаривать шепотом, как в музее, или просто молчать, созерцая невероятные по красоте творения природы.

Солнце, клонившееся к горизонту, бросало на снег малиновые отблески, а в тех местах, куда его лучи не попадали, он казался темно-сиреневым. Вскоре солнечный диск добрался до одного из горных пиков и на какое-то время задержался позади него, разбросав по небу прощальные лучи. Через несколько минут малиновый свет стал фиолетовым.

— Как красиво, — прошептала Марьяна. — Хорошо, что мы сюда поднялись. Я никогда еще не смотрела на закат с вершины горы.

Сеня, стоявший рядом, обнял ее за плечи.

— Ты не замерзла? Вечером тут становится прохладно.

— Нет, — девушка помотала головой.

Она была зачарована грандиозным зрелищем и ей совершенно не хотелось уходить.

— Знаешь, Марьяна, я хочу кое-что сказать тебе... — начал Сеня.

— Тсс, — произнесла она. — Ничего не говори.

— Почему?

— Тут так тихо...

Сеня замолчал. Он придвинулся к ней поближе, распахнул свою куртку и укутал девушку. Марьяна, уже почувствовавшая подкрадывающийся холод, не сопротивлялась. Ей было тепло, уютно, она ощущала удивительную безмятежность и чувствовала, что улыбается.

Когда они спускались вниз, Марьяне уже совсем не было страшно. Раскачивание гондолы ее больше не пугало. Тем более, что Сеня держал ее за руку и смотрел на нее такими глазами, что из головы вылетали абсолютно все мысли и все страхи. На четвертом уровне их тет-а-тет был нарушен: в гондолу ввалились три подростка без лыжного снаряжения, видимо, приехавшие на экскурсию.

Усевшись напротив них, они стали многозначительно переглядываться, толкать друг друга в бок и противно хихикать. Марьяна почувствовала себя неловко и убрала свою руку из руки Сени. Он удивленно на нее посмотрел и вернул руку обратно. А потом устался на обитателей противоположной скамейки. Под его взглядом они как-то притихли, сначала перестали толкать друг друга в бок, потом хихикать и, наконец, как один, устались в окно.

На следующем уровне подростки вышли, и Марьяна от души расхохоталась.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ну ты просто удав, гипнотизирующий кроликов!

— Да, — кивнул он. — Опыт большой. Приходится иногда воздействовать на подчиненных.

— На кого? — не поняла Марьяна.

— Да на кого только не приходится, — опомнился он. — То на преподавателей, но на однокурсников... Ситуации разные бывают.

— Что, вот так смотришь на препода, и он сразу ставит тебе «зачет»?

— Что-то вроде того.

— Мне бы такие таланты.

— И что бы ты сделала?

— Ну, не знаю. Загипнотизировала бы своего начальника, заставила его отправить меня в кругосветное путешествие. На благо фирмы. Или нет... Пошла бы в «Синюю птицу» и загипнотизировала Арсения Журавлева. Чтобы он взял меня на работу.

Ее собеседник сделал какой-то странный жест, как будто хотел поймать комара, но в последний момент передумал. Потом он потер виски, на мгновение закрыл глаза руками, выпрямился и прокашлялся.

— Марьяна, — произнес он необыкновенно серьезно.

В этот момент гондола притормозила.

— О! Мы приехали. Арсений Журавлев — это директор компании, в которой я хотела бы работать, — объяснила она на ходу.

— Где ты весь день пропадаешь? — с порога напала на нее мама. — У нас семейный отдых или что?

— У нее роман, — сказала Катя. — Курортный. Мы же на курорте.

— Нет у меня никакого романа.

— А как, интересно, ты это называешь?

— Нечего называть, — отрезала Марьяна. — И вообще, хватит обсуждать меня, давайте лучше обсудим Рому.

— Я-то тут причем? — удивился брат, растянувшийся на диване среди подушек.

— Ну тогда Кирилл.

— Ты видела, как я катался? — сразу же спросил племянник, устроивший на полу гоночную трассу для машинок.

— Видела. Как настоящий гонщик.

— На машине?

— Ага, только ты — без машины. Но так же быстро.

— Да, — согласился племянник. — Я гонщик! — закричал он прямо в ухо Роману.

— Я понял, понял. Не кричи, — проворчал тот.

И тут Марьяна кое-что вспомнила.

— Лось назвал тебя Самоваром, — сказала она брату.

— Меня многие так зовут.

— Я знаю, что многие. Старые друзья, однокурсники. Я. Иногда. Тебе это нравится?

— Только попробуй.

— Вот, значит, как. Мне нельзя тебя называть Самоваром, а им можно? Неужели ты сам, добровольно, озвучил им свою позорную кличку?

— Не вижу в ней ничего позорного, — пробормотал Ромка. — Кличка как кличка. Нормальная мужская кличка, я бы сказал.

— То есть сам сказал?

— Ну... да.

Марьяна смотрела на него задумчиво.

— Странно это как-то. Неестественно.

— А что странного? Когда познакомишься с Лосем и Арамисом, не будешь же представляться Романом Викторовичем.

— Ага, — произнесла Марьяна и отправилась в ванную.

С одной стороны она жалела, что не взяла с собой сапоги на каблуке. Она в них, действительно, потрясно выглядит. С другой стороны, она этому даже радовалась. Не будет искушения. Может, она еще соорудит прическу и наденет на каток длинное платье с декольте? Не хватало еще вырядиться, как на свидание.

Но лыжный костюм надевать тоже не хочется. Надоел, и вообще, сидит как мешок. Хорошо, что она взяла джинсы. И любимый белый свитер с высоким горлом. Он ей удивительно идет, она становится похожей то ли на Снегурочку, то ли на Снежную Королеву... Особенно если накрасить ресницы. Еще бы лицо не было таким красным! Это просто какой-то ужас. Если бы она знала, что тут такое зверское солнце, то взяла бы крем с защитой 50. Но уже поздно. Она загорела. Завтра наверняка вылезут веснушки... А сегодня не помогает никакая пудра. Ладно бы только щеки были румяные, это еще куда ни шло, но ведь и нос красный, так что она больше похожа на Деда Мороза, а не на его внучку.

Марьяна заплела волосы в косу, уложила челку, нанесла на губы еле заметный блеск и снова уставилась в зеркало, выключив яркий верхний свет. Вроде бы в полумраке краснота носа не так бросается в глаза. Хотя, кого она обманывает! Сеня уже достаточно насмотрелся на ее малиновую физиономию. И, вроде бы, его это не испугало. Так что можно выдохнуть и расслабиться. Он, кстати, тоже отливал пунцовым цветом. Но ему это идет, его лицо кажется еще более мужественным.

За спиной скрипнула дверь, и в комнату просочился Кирилл.

— Ты куда собралась? — спросил он, внимательно ее разглядывая.

— На коньках кататься.

— Разве на коньках катаются в таких штанах?

— А в каких?

— В лыжных. Падать же больно. И холодно. Мне мама говорила.

— А я не буду падать.

— Вообще?

— Ага. Я хорошо катаюсь.

А меня сейчас спать будут укладывать, - пожаловался племянник.

— Кто посмел? — рассмеялась Марьяна.

— Мама. Бабушка говорит, у нее от меня голова кругом. А ты сегодня какая-то красивая, — добавил он.

— Правда?

— Честное слово.

Очередной урок фигурного катания прошел довольно успешно, если не считать того момента, когда Сеня, осмелев, попробовал изобразить «ласточку» и грохнулся затылком об лед. Марьяна в первый момент очень испугалась, потому что ей показалось, что он лежит без движения очень долго, но тут ее ученик вполголоса произнес сложное сочетание из малоприличных слов и она поняла, что с его головой все в порядке.

— Ты быстро учишься, — похвалила она Сеню после того, как они сменили коньки на более устойчивую обувь.

— Еще бы. С такой учительницей.

— Не надо мне льстить. Ты очень способный. А вот я долго осваиваю разные спортивные шутки. Коньки — единственное, на чем я хорошо катаюсь с детства. Но это потому что я два года занималась фигурным катанием. А потом меня отсеяли, как неспособную.

— Да они идиоты! — возмутился Сеня. — Проморгали самую лучшую фигуристку.

— Я так не думаю.

— А я думаю.

— А на лыжах у меня не очень хорошо получается. То есть, мне кажется, что получается, но когда мимо меня пронесется настоящий лыжник, у которого из-под лыж искры летят и который не тормозит на поворотах, я понимаю, что я — чайник...

— Хочешь, я тебя научу?

— Ты же доске катаешься. А мне надо хотя бы лыжи освоить, для начала. А уж потом переходить на сноуборд. Если мало будет.

— Теорию-то я знаю. Там почти тоже самое, только...

— Вот именно — только. Ладно, сама разберусь.

— Нет, давай все же попробуем. Встретимся завтра, покатаемся вместе...

— Да ты же опять на вершину ускачешь. Со своими троглодитами и моим братом.

— Не ускачу. Буду весь день вокруг тебя крутиться. Вот увидишь. Еще надоем.

— О! — воскликнула Марьяна. Они вышли с катка и встретили веселую компанию: Лось, Кузя и Роман с Катей шли практически в обнимку и над чем-то хохотали.

— А мы вас ищем, — сказал Роман.

— Зачем это? — спросила Марьяна.

— Хотим в клуб завалиться, — объяснил Лось. — Сегодня пластинки крутит ди-джей Гвоздь. Все туда идут.

— Ну тогда и мы пойдем, — произнесла Марьяна.

Идти в клуб с братом было немного странно, такое случилось впервые. Раньше, когда ей было лет семнадцать, и она уговаривала взять ее с собой, обещая раствориться в толпе и не мешать ему отрываться, Роман никогда не соглашался. Утверждал, что ему некогда следить за малышкой и вытирать ей нос. Когда она стала совершеннолетней, Марьяне и в голову не приходило провести вечер в клубе с братом. У него была своя компания, у нее своя, их интересы не пересекались, клубы они предпочитали разные. А теперь он идет танцевать с ней и ее друзьями. Дома это было бы странно, но здесь, на отдыхе, все по-другому.

Сначала они держались все вместе, потом Лось и Кузя растворились в толпе, Марьяна мельком видела их у стойки, где они развлекали каких-то девушек. Через какое-то время исчезли и Роман с Катей — видимо, пошли отдохнуть, все-таки возраст совсем не юный, не выдерживают заводных ритмов...

Марьяна выпила один коктейль и этим решила ограничиться. Она знала, как на нее влияет алкоголь — на следующий день совершенно нет сил, а ведь ей еще на лыжах кататься. Вообще на горнолыжных курортах в клубах должны подавать не алкоголь, а кипяченое молоко — здесь же одни спортсмены. Девушка поделилась этой идеей со своим спутником, и он ее полностью одобрил.

— Кипяченое молоко у них вряд ли найдется, а вот молочный коктейль, я уверен, соорудят. Хочешь?

— Хочу. Только давай отсюда выберемся, отдышимся немного.

Они отыскиали диванчик в спокойном месте и заказали шоколадно-банановые коктейли.

— Как в детском саду, — сказал Сеня.

— Почему сразу такие сравнения? Я лично часто пью молочные коктейли.

— Ничего удивительного.

— Что ты хочешь сказать?

— Напекаю на твой юный возраст.

— Что? Это ты мне говоришь? Да ты всего пару лет назад носил ленточку выпускника школы!

— Допустим, не пару лет назад...

— Ну три. Максимум четыре. Ты на каком курсе?

— Марьяна, послушай, я все время хочу тебе сказать...

— Вот и наши коктейли. Только попробуй сказать, что это невкусно. Ну? — спросила она, когда содержимое стаканов уменьшилось наполовину.

— Не так плохо, как я думал, — согласился Сеня. — Еще бы поменьше шоколада. И бананов. И молока с мороженым, по-моему, тоже слишком много. А так — в самый раз.

— Эх, ничего ты не понимаешь, — вздохнула Марьяна. — Может, ты и «Графские развалины» не любишь?

— Что еще за чудо природы?

— Мой любимый торт.

— Звучит как-то не очень аппетитно. Ты уверена, что его можно есть?

— И шоколад с цукатами не любишь? И эклеры с заварным кремом? И тирамису?

— Да как-то... не особо, если честно.

— Ну, тогда нам с тобой вообще не о чем говорить, — девушка демонстративно надула

губы и отвернулась.

— Марьяна, нам как раз очень нужно поговорить. Я должен тебе признаться...

— Не надо, — испуганно произнесла она. — Пошли лучше танцевать.

Арсений понимал, что с каждым часом, даже с каждой минутой ситуация все больше и больше запутывается. И чем дольше он тянет, тем труднее будет рассказать обо всем Марьяне, и тем хуже будут последствия. Он много раз пытался начать разговор на волнующую его тему, но все время что-то мешало. Кто-то нарушал их уединение, Марьяна переводила разговор в другое русло, он сам тушевался и говорил совсем не то, что собирался сказать...

Главная причина, конечно, заключалась в нем самом. Конечно, обстоятельства не благоприятствовали объяснению, но обстоятельства, при желании, можно было преодолеть. В его силах было создать ситуацию, когда Марьяне пришлось бы его выслушать. Но он боялся.

Он десятки раз пытался представить, какой будет ее реакция, когда Марьяна узнает, что он ее обманул, выдал себя совсем не за того, кем является на самом деле. К сожалению, надеяться на то, что она отнесется к этому, как к забавной шутке, не приходилось. Если бы он сказал ей сразу... Но тогда все было бы по-другому. Разве была бы она с ним такой непосредственной и простой, если бы знала, что он директор «Синей птицы»? Конечно, нет. Она была бы воспринимала его как друга старшего брата, как возможного начальника. Смотрела бы снизу вверх. А ему были очень дороги сложившиеся за эти два дня отношения. Ему нравилось, что Марьяна относится к нему как к своему ровеснику, иногда даже несколько покровительственно... это было бы забавно, если бы не грозило неминуемой расплатой.

Она была такой милой, естественной и такой красивой, что у него мурашки бегали по загривку, когда он на нее смотрел. Когда она улыбалась, на ее щеках появлялись совершенно очаровательные ямочки. Почему-то они трогали его почти до слез... И ее глаза. Ее взгляд, немного исподлобья, когда она боится показать свой интерес к нему и делает вид, что ей все равно. Но он чувствует, как прерывается ее дыхание, когда он берет ее за руку. И он помнит, как ее губы отвечали на его поцелуй... И все это может разрушиться в одно мгновение.

Почему все получилось так глупо? Почему он не познакомился с ней в другом месте, при других обстоятельствах? Хотя было бы гораздо хуже, если бы он впервые увидел ее в тот момент, когда она пришла устраиваться на работу в «Синюю птицу». Он стал бы начальником, который старается завести роман со своей молоденькой подчиненной. Это выглядело бы отвратительно.

Получается, судьба дала ему уникальный шанс. Он смог увидеть ее такой, какая она на самом деле, не давить на нее своим возрастом и главенствующим положением. Как теперь объяснить ей все, какие найти слова, чтобы она поняла, что у него и в мыслях не было смеяться над ней, что для него это не развлечение, что он испытывает настоящие, очень сильные чувства. Такие, каких не испытывал никогда в жизни и которые он пока еще боится назвать, даже для себя самого. Для него эти два дня стали вечностью. С одной стороны — прекрасной, блаженной, а с другой — мучительной.

Сегодня он опять не сказал ей. Он пытался несколько раз, последняя его неудачная попытка состоялась в клубе. Он был решителен, прямо заявил, что ему нужно кое в чем признаться, а она, видимо, истолковала его слова совершенно неправильно. Подумала, что

он будет говорить о чувствах. Для нее это слишком быстро. Она еще не готова. Она относится к нему не просто как к другу, но пока не хочет в этом признаваться.

А проводить ее ему не удалось. Откуда ни возьмись, появился Самовар со своей женой, и она ушла с ними. На прощанье брат Марьяны шепнул, что у него остался один день. Потом он все расскажет. Неужели он это сделает? Скорее всего, нет. Не решится. А вот он должен решиться во что бы то ни стало. Завтра. Завтра будет день икс. У него нет выбора, ему придется своими руками разрушить безмятежную идиллию их отношений.

Мучительные размышления еще долго не давали ему уснуть. Несмотря на усталость, Арсения, впервые за много лет, одолела бессонница. Он пытался считать слонов, баранов, заснеженные горные вершины, но сон убегал от него. Перед его глазами неотступно стояло лицо Марьяны, то улыбающееся, как сегодня, то хмурое, каким оно будет после их разговора.

Сон пришел только под утро, поэтому запланированный ранний подъем не состоялся. Будить его было некому — загулявшие друзья вернулись уже после того, как он уснул, так что утром их апартаменты напоминали сонное царство.

Глава 6

Марьяну опять разбудил Кирилл, на этот раз он использовал ее кровать как гоночную трассу для своих маленьких машинок. Он жужжал, рычал, пыхтел и сопел, изображая работу двигателей. Перед пробуждением девушке снились огромные синие шмели, которые кружились над ней целым роем и пытались ужалить. Вынырнув из сна, она поняла, в чем причина ее странного сновидения.

— Ты когда-нибудь дашь мне выспаться, маленький разбойник?

Он помотал головой и продолжил жужжать. Марьяна села на кровати и вдруг поняла, что у нее кружится голова. Она потерла лоб, но головокружение не прошло. К нему добавилась пульсирующая боль в висках. Странно. С чего бы это ей так отвратительно себя чувствовать? Марьяна снова упала на подушки. Лицо горело, глаза налились тяжестью, и еще очень сильно хотелось пить. Неужели она заболела? Этого еще не хватало.

Кирилл тем временем перешел с кровати на пол. Он перемещал свои машинки, одну за другой, по всей комнате, храбро преодолевая любые препятствия от пушистых тапочек до журнального столика.

— Эй, гонщик, — окликнула его Марьяна. — Принеси мне, пожалуйста, воды.

— Зачем? — удивился племянник.

— Пить очень хочется.

— А хочешь, я тебе принесу яблочный сок? Или лимонад? Там еще осталось немного.

— Нет, просто воды.

Он бросил машинки и умчался на кухню.

— Что это вы вчера делали на этой своей дискотеке, что ты с утра требуешь воды? — произнесла мама, входя в комнату. В руках она держала высокий стакан с водой. Марьяна протянула к нему руку, взяла, и жадно выпила.

— Спасибо, — выдохнула она.

— Та-ак, — произнесла мама, внимательно разглядывая дочь. Что-то мне не нравятся твои глаза. Она приложила ладонь ко лбу Марьяны. — Так и есть, температура!

— Не может быть! С чего ты взяла? Тоже мне, ходячий термометр.

— Мне и термометр не нужен. Я по глазам вижу. Блестят и красные. И дышишь ты тяжело.

— Вовсе не тяжело.

— Не спорь с матерью. Будешь сегодня лежать в кровати, пить чай с лимоном и отдыхать.

— Нет!

— Да.

Градусник подтвердил мамины предположения. 37,5. Марьяна негодовала. Как ее организм мог выкинуть такой фортель? Она приехала кататься на лыжах, а не валяться в кровати. Но мама была непреклонна, и, что самое обидно, все остальные ее рьяно поддержали.

— Ты вчера сначала перегрелась на солнце, а потом переохладилась, — вынесла вердикт мама. — Эх, это я виновата. Надо было тебя пораньше домой загнать. Теперь будешь лежать весь отпуск...

— «Загнать», — передразнила Марьяна. — Я же не коза какая-нибудь. Из стада.

— А мне кажется, — начал Роман, но девушка кинула в него тапок и он замолчал.

— Хватит панику поднимать, — сказал свое веское слово папа. — Горло не красное, насморка нет. Это просто акклиматизация. К вечеру пройдет.

— Только ты меня понимаешь, — обрадовалась Марьяна. — Обещаю, что к вечеру буду как новенькая.

— А пока лежи и не рыпайся. Телевизор вон посмотри или папину газету почитай. Тоже очень веселое занятие, — высказался Роман.

Они не обменялись номерами телефонов. Почему — Марьяна и сама не знала. Как-то не до этого было. И не казалось необходимым. Они и так все время встречались, это происходило как-то само собой. Но теперь Марьяна очень жалела, что не знает телефона Сени. Она начала жалеть об этом еще тогда, когда Роман был дома. Ей очень хотелось попросить его передать своему новому другу ее номер. Но почему-то она не решилась. Ее старший брат все время как-то странно смотрел на них с Сеней. Может, это ревность? Или он беспокоится за нее? Старшие братья бывают такими странными... Не может же он всерьез думать, что Арамис способен ее обидеть? Скорее уж она его.

Марьяна выпила три кружки чаю под мелькание каналов телевизора, потом, встала, заглянула в холодильник, поняла, что есть совершенно не хочет и снова легла в кровать. Голова болела, но не очень сильно. Самым неприятным ощущением была горячая тяжесть в глазах. Они сами собой закрывались и никак не хотели открываться. Девушка решила не сопротивляться навалившейся на нее сонливости. Может, когда проснется, она почувствует себя лучше.

В два часа все семейство спустилось с гор, чтобы отдохнуть и пообедать. Марьяну осмотрели, потрогали лоб, заглянули в глаза, заставили показать язык...

— Может, вам еще польку-бабочку сплясать? — возмутилась она. — Все со мной нормально. Я поспала, проснулась, и у меня больше ничего не болит. Прекрасно себя чувствую.

— Сейчас посмотрим, — мама вытащила у нее из-под мышки градусник. — Действительно, температуры нет.

— Ну вот! Я сейчас пойду с вами на лыжах кататься.

— Ни в коем случае. Сегодня у тебя постельный режим.

— Ну уж нет. Спать я больше не буду. И так все бока отлежала.

— Ну, значит, домашний арест, — вклинился Ромка. — Сиди тихо, кушай бульончик и не высовывайся.

— Мама! — жалобно произнесла Марьяна. — Я не хочу дома сидеть.

— Ну и не надо. Но на лыжах кататься сегодня тоже не стоит.

— А на коньках?

— Конечно, нет. А прогуляться, на солнышке посидеть — это милое дело. Я, например, этим и собираюсь заняться. Вместе с Кириллом. На детскую площадку сходим, лошадок посмотрим в загоне, правда, Кирюша?

— Лошадок? — обрадовался мальчик. — Пошли.

— Сейчас пообедаем и пойдем.

Арсений проснулся очень поздно, почти в полдень. Увидев, сколько времени, он пулей вылетел из кровати и помчался в ванную. Неужели эти троглодиты уехали кататься без него? Ну он им покажет! Это же настоящее предательство. Почистив зубы и умывшись, он распахнул дверь спальни Кузи, а потом и Лося. Нет, ну надо же! Они еще дрыхнут.

— Эй! — завопил Арсений. — Подъем! Боевая тревога!

— Что, где? — Лось вскочил и начал натягивать штаны, но не никак не мог попасть в штанину.

— Исчезни, — пробормотал Кузя и накрыл голову подушкой.

Тем временем Лось осознал, что его коварно обманули, и снова рухнул в кровать.

— Время двенадцать! — проорал Арсений. — Вы сюда кататься приехали или спать?

Канатка, между прочим, работает всего до семи. А мы еще не были на западном склоне.

— Двенадцать, — Кузя, наконец, продрал глаза. — А чего ты молчишь?

— Я молчу? Да я вою как сирена.

— Надеюсь, это не повод отказываться от завтрака, — произнес Лось, натянувший, наконец, штаны.

— Какой еще завтрак? За ужином позавтракаешь.

— А ты ел?

— Нет.

— Надо поесть, — поддержал друга Кузя. — А то руки-ноги трястись будут.

— Пить надо меньше. И раньше, — проворчал Арсений. Вообще-то он тоже ощущал голодное урчание в желудке и идея обойтись без завтрака ему самому не очень нравилась.

В итоге, когда гоп-кампания добралась до подъемника, было уже полвторого. Арсений постоянно озирался по сторонам. Марьяна, думал он, наверняка проснулась рано, и уже успела накататься. Возможно, сейчас пойдет обедать вместе со своей семьей. Но ее нигде не было. Интересно, она его искала?

Даже через три часа он ее не обнаружил. И, что самое странное, Самовара тоже нигде не было. Куда же они все запропастились? И почему он, идиот этакий, не догадался взять у нее номер телефона?

Самовар появился часа в четыре, медлительный и довольный. Видимо, только что пообедал. Значит, и Марьяна где-то здесь!

— Здорово, — лениво произнес брат самой прекрасной девушки на свете. — Где это вы сегодня целый день бродите? Я тут с утра такие кренделя выписывал... А сейчас устал уже. Да и живот полный. Буду потихоньку скатываться.

— Да мы дрыхли до обеда, — признался Кузя. — Вчера с Лосем загуляли, вернулись поздно.

— Молодцы, что сказать. Дело молодое...

— Не то что ты — почтенный отец семейства, — поддел Лось.

— И тем горжусь.

— Ну и правильно.

— А Марьяна... — решился, наконец, Арсений, — тоже где-то здесь?

— Да нет, она дома валяется. Заболела.

— Заболела?!

— Да чего ты подпрыгиваешь, все нормально. Температуры уже нет. Акклиматизация. Завтра будет как огурец.

— Слушай... а ты не дашь мне ее номер?

— Так что, она тебе даже телефон не сказала? — ухмыльнулся Роман.

— Да я не спрашивал...

И чего он так мерзко ухмыляется, так и хочется дать по роже. Но нельзя. Надо быть добрым и терпеливым.

— Не спрашивал, так спроси, — произнес Роман, оттолкнулся и покатился вниз по склону.

— Чего это он? — удивился Арсений.

— Я же говорил, сестра — это не хухры-мухры, — объяснил Кузя и отправился вслед за Ромкой.

— Понял? — подытожил Лось и тоже заскользил на доске вниз.

Арсений стоял на вершине горы, растерянный и подавленный. Марьяна заболела, а он даже не может ее навестить! Если бы все было как у нормальных людей, он бы, не задумываясь, пришел, познакомился с ее родителями, а так... Не может же он сейчас представиться как друг-студент, а через пару дней сказать, что он совсем не тот, за кого себя выдавал. Как же быть?

А Самовар, тоже, ведет себя как собака на сене. Жалко ему, что ли, телефонного номера? Арсений чуть ли не скрипел зубами от злости. Если бы не Марьяна, он бы показал этому высокомерному жлобу, как ухмыляться. Но теперь Роман стал неприкосновенной персоной. Что же делать?

Пару часов Марьяна провела на скамейке у детской площадке, час — у лошадиного загона, где Кирилл, восторженно застыв, во все глаза смотрел на прекрасных животных. Когда ему разрешили потрогать длинную густую гриву и даже угостить лошадку сахаром, он чуть не завизжал от счастья. Как мало ребенку надо, чтобы быть абсолютно довольным жизнью!

Все три часа мысли девушки крутились вокруг Арсения. Она вспоминала каждое произнесенное им слово, каждый жест, каждый взгляд. Они знакомы так недавно, но она уже успела привыкнуть к его присутствию. С ним ей было интересно и весело, она чувствовала себя такой беззаботной и еще — защищенной. Он умел создавать неуловимую атмосферу заботы. Не то чтобы он демонстративно пропускал ее вперед и постоянно открывал перед ней дверь. Дело было не в этом. Просто она все время чувствовала, что он обеспокоен тем, чтобы ей было хорошо и комфортно. Она еще только начинала замерзать, а он уже укрывал ее своей курткой, она еще не успевала понять, что голодна, а он приглашал ее обедать... Их мысли были синхронны!

А еще она его немного боялась. Поэтому и сбежала вчера с Ромкой и Катей. Вернее, не совсем его. Она боялась, что, если он снова будет ее провожать, то она будет ждать, что он ее поцелует. И ей не хотелось, чтобы он заметил и понял это ее ожидание. Все это невероятно глупо! Она боится сама себя, своих чувств, вспыхнувших так внезапно и так ярко. В общем, за три часа раздумий Марьяна поняла, и была вынуждена откровенно признаться себе, что влюбилась. Да. Это правда. И что в этом плохого? Это немного страшно, ведь не знаешь, что ждет тебя впереди, счастье или боль.

Она не знает, что будет дальше, так какой смысл об этом тревожиться? Может быть, у них впереди долгие годы, а может, всего несколько дней, после которых они расстанутся и никогда не встретятся снова. Все возможно. Она сейчас не будет думать о будущем, строить планы, анализировать свои чувства. Будет просто наслаждаться восхитительным настоящим.

Каждую минуту.

Желание носиться по склонам у Арсения пропало абсолютно. Он несколько раз поднялся на вершину и съехал вниз, вместе со своими неутомимыми друзьями, но никакого удовольствия этот процесс ему не доставил. Он не мог думать о трамплинах и крутых поворотах, все его мысли были заняты Марьяной. Он представлял, как она сейчас лежит в постели, больная и несчастная... ей, наверное, очень плохо. А он даже не может прийти и чем-нибудь ей помочь. Да хотя бы развеселить.

На самом деле ему хотелось каких-то более грандиозных свершений. Мчаться сквозь бурю за редким лекарством. Нести ее на руках до больницы, ощущая, как она обнимает его за шею. Броситься в горящий дом, и, рискуя жизнью, вытащить ее из огня... Так, стоп. При чем тут горящий дом? Похоже, он совсем тронулся. Надо, наверное, завязывать с катанием. А то он сейчас замечтается и слетит с трассы в какое-нибудь ущелье.

Арсений сообщил удивленным друзьям, что уходит, съехал на первый уровень, сел в кабинку подъемника, и вскоре уже переодевался в своей комнате. Его гостиница была расположена довольно далеко от отеля Марьяны, а ему хотелось оказаться где-нибудь поблизости. Непонятно, зачем. Даже если он будет в соседнем номере, но при этом все равно не сможет ее видеть, разве ему будет легче?

Тем не менее, ноги сами принесли его туда, откуда было видно окно Марьяны. Почему-то этот светлый прямоугольник притягивал его взгляд. Он сел на одну из скамеек возле детского городка и стал вести наблюдение. Наблюдать было совершенно нечего. Занавески на окне ни разу не шелохнулись, никто не показался, не помахал ему рукой... Наверное, она спит. Во всяком случае, лежит в постели. А рядом мама, племянник, невестка. Они могут ее видеть, разговаривать с ней, она, наверное, улыбается им и говорит, что чувствует себя прекрасно, чтобы они не волновались.

А вдруг ей стало хуже? Вдруг у нее что-то серьезное? Арамис вскочил и двинулся к гостинице. Почти, дошел до входа, повернул влево, прогулялся, потом вправо... В конце концов, он зашел в кафе и выпил целый кофейник кофе, что отнюдь не способствовало успокоению его мыслей.

Марьяну все время тянуло к окну, и, как оказалось, не зря. Ближе к вечеру она увидела Сеню. Он сидел на детской площадке и смотрел на ее окно. Она стояла за прозрачной шторой и наблюдала за ним. Вот он вскочил и бросился к гостинице. Неужели заявится к ней, невзирая на родителей и всех остальных? Это будет интересно. Девушка чувствовала, что ее сердце учащенно забилось. Сейчас он поднимется, и окажется прямо перед ней... Но он не поднялся. Когда до входа оставалось несколько метров, Сеня резко свернул в сторону. Он несколько раз прошелся перед гостиницей и зашел в кафе. Значит, боится. Ну что ж, ей это вполне понятно. Хватит его мучить.

Она бросилась одеваться. Пришлось натягивать теплый лыжный костюм. В джинсах и коротенькой курточке мама ее ни за что не отпустит. Марьяна быстро причесалась, мазнула по губам кисточкой с блеском. Хотела накрасить ресницы, но передумала. Пусть все будет естественно. Щеки у нее покраснелись, глаза блестят, она чувствовала, что выглядит очень привлекательно. Потому что влюблена, потому что спешит на встречу с человеком, который сводит ее с ума.

— Мам, я пойду прогуляюсь, — крикнула Марьяна в сторону гостиной.

— Стой! — услышала она грозный окрик.

— Ну что? Я прекрасно себя чувствую.

— Похоже, что так и есть, — вынесла вердикт мама, несколько секунд пристально рассматривая дочь. — Шапку надень.

— Да там не холодно.

— Говорю тебе: надень шапку.

— Да у меня капюшон есть!

Спорить совершенно бесполезно, поняла Марьяна. За шапку мамы бьются насмерть. Она взяла из маминых рук шапку, надела ее перед зеркалом и вышла.

— Только не сиди на морозе! — услышала она вслед.

Глава 7

Они столкнулись в дверях кафе. Арсений почувствовал, что кофе видеть уже не может, но зато в его организме присутствует странная и очень настоятельна потребность видеть окно Марьяны. Он расплатился, побрел к выходу, причем настроение его было далеко не радужным. И тут на него налетел восхитительный маленький вихрь с длинными светлыми волосами и самыми синими глазами на свете.

— Привет, чего нос повесил? — бодро спросила девушка, которая, в его представлении, должна была лежать в кровати с высокой температурой.

— Переживаю, — признался ошеломленный Арсений.

— За меня?

— Ага, — он почему-то опустил глаза.

— Здорово, — сделала неожиданный вывод Марьяна.

— А почему ты тут бродишь, ты же должна болеть, лежать в кровати с горчичниками? — спохватился он.

— Я уже выздоровела. И вообще, это была не болезнь, а акклиматизация. Если бы мама не подняла панику с утра, я бы и на лыжах пошла кататься. Как сегодня снег? Такой же мягкий, как вчера?

Они вышли из кафе и пошли по набережной, вдоль узкой горной речки, заключенной в обрамление из бетона. Арсений рассказал, как они всей компаний проспали и вышли на трассу только после обеда. Описал появление Романа и его нежелание сообщать телефон сестренки.

— Он вообще какой-то странный, — задумчиво произнесла Марьяна. — Смотрит на тебя волком. Не понимаю, что ему в тебе не нравится? — Она немного отошла и придирчиво оглядела молодого человека со всех сторон. — Вроде, все на месте. Две руки, две ноги. Одна голова.

— Может, он недоволен моим изогнутым носом? Или ему горб ему не по душе? А, понял! У меня ноги кривые.

— Точно, — серьезно сказала Марьяна. — Это решающий аргумент. Она не выдержала и рассмеялась. — Не прибедряйся. И не напрашивайся на комплименты.

— Даже и не думал. А почему у тебя шапка не на месте?

— В смысле? — девушка посмотрела на шапку, зажатую в руке.

Арсений аккуратно взял головной убор и натянул ей на голову. Он пытался быть осторожным, но все равно его пальцы запутались в разметавшихся по плечам волосах Марьяны.

— Больно! — пискнула она.

— Извини, — он неловко переместил шапку на одну сторону, потом на другую. Потом натянул на лоб.

— О господи, — вздохнула Марьяна. — Чувствую себя поленом.

— Почему? — удивился Арсений.

— Только на полено можно натягивать шапку таким образом.

Она сняла свою белую вязаную шапочку, перевернула швом назад и пристроила на голове так, как нужно.

— Век живи век учись, — глубокомысленно изрек Арсений. — Может, посидим где-нибудь? Ты не замерзла?

— Я совершенно не замерзла. Мне даже жарко. Особенно в шапке. Посидеть можно, только пусть это место будет очень тихое. У меня сегодня все утро голова болела, шума она не вынесет.

— Так, тихое... В пиццерии шумно, в «Медведе» музыка, в «Амстердаме» вообще рок-группа. Слушай, а пошли ко мне? То есть к нам. У нас очень уютная гостиная. Если придвинуть кресла к окну, можно смотреть на набережную. Красивый вид. И тихо. Если связать троглодитов и заткнуть им носками рты.

— К тебе? — заколебалась Марьяна.

— Только ты не думай, что я... Я совершенно не имел в виду ничего такого. Я хотел сказать...

— Что не будешь покушаться на мою честь, — закончила фразу Марьяна. Он так смутился, что ей стало смешно. И очень легко. — Знаешь, почему-то я тебя совершенно не боюсь, — призналась она.

не знал, радоваться этому заявлению или огорчаться.

— Ого, — произнесла Марьяна, оглядывая роскошную гостиную. — Совсем не похоже на прибежище бедных студентов. У каждого отдельная спальня... Которая из них твоя?

— Э-э, — замялся Арсений.

— Что? Не покажешь мне, где ты обитаешь?

Молодой человек лихорадочно пытался вспомнить, застелил ли он кровать. По всему выходило, что нет. Утром они страшно торопились, потом он думал о Марьяне, а не наведении порядка... Наверняка еще и носки повсюду разбросаны.

— Может, не стоит? — умоляюще произнес он. — Мы сегодня утром очень торопились.

— Хочешь сказать, там страшный бардак? — почему-то обрадовалась Марьяна. — Тогда тем более пошли. По характеру беспорядка можно очень многое сказать о человек.

— Ладно, мой дорогой Холмс, если не боишься, пошли, — он распахнул дверь.

По крайней мере, в одном Арсений был уверен: его документы, паспорт и права, не валялись на видном месте. А еще он понимал, что приближается час икс. Сегодня вечером он просто обязан рассказать Марьяне всю правду.

Комната, и вправду, выглядела не лучшим образом: дверцы шкафа раскрыты, одеяло наполовину лежит на полу, штаны от лыжного костюма свешиваются со спинки стула, носки почему-то лежат на тумбочке, а футболка на туалетном столике. Арсений бросился подбирать вещи и запихивать их в шкаф.

— Поздно метаться, — злорадно усмехнулась Марьяна. — Я уже все видела.

— Что?

— Да ничего страшного. Совершенно нормальный утренний беспорядок.

— И какие будут выводы, сэр Шерлок Холмс?

— Ты человек довольно аккуратный.

— Вот как? — удивился Арсений.

— Да, — медленно кивнула Марьяна. — В шкафу у тебя все вещи сложены. Даже носки лежат парами.

— Ну у тебя и глаза!

— Так, что еще можно о тебе сказать? — Девушка продолжала оглядываться. — Наверное, ты любишь синий цвет...

— С чего это?

— У тебя свитер синий.

— Блестящая логика. Bravo!

— Ладно, сдаюсь. Если бы это была твоя настоящая комната, где ты постоянно живешь, тогда можно было бы делать какие-то выводы. А так... Ни книг, ни дисков, ни... вообще ничего, кроме носков и свитера.

— А вот я, хотя и не был в твоей комнате, могу сказать о тебе очень многое, — заявил Сеня.

— Да? А я думала, что я такая вся из себя таинственная, и по моему непроницаемому лицу и загадочному виду совершенно невозможно узнать что-то о моей жизни.

— Ну, о жизни я, честно признаюсь, знаю совсем немного... Но зато я точно знаю, что таких синих глаз нет ни у кого на свете.

Марьяна, неожиданно для себя, очень смутилась и не могла придумать никакого остроумного ответа. Как будто ей никогда раньше не говорили комплиментов! Говорили, конечно. Но никогда при этом не смотрели на нее так... как будто она какое-то диковинное чудо, которое, к тому же, может в любой момент исчезнуть.

У Арсения в груди что-то защемило, видимо, это сердце сжалось в крохотный комочек и затаилось в недрах грудной клетки, пытаясь спрятаться. Но спрятаться от этих глаз цвета ясного летнего неба совершенно невозможно. Они посылают острые стрелы, которые попадают прямо в сердце, чтобы остаться там навсегда.

— Ну и где тут кресла и прекрасный вид? — вспомнила Марьяна.

— Сейчас все будет, — Сеня бросился в гостиную и распахнул шторы.

— О! — выдохнула Марьяна. — И правда, красиво. Даже красивее, чем из моего окна.

Отель был самым последним в ряду, и окна выходили на начало набережной. Но, кроме обустроенной части курорта, была видна часть заснеженной скалы, резко вздымающейся вверх у основания, а дальше поднимающейся к небу под углом. Там и сям за нее цеплялись маленькие деревца, изогнутые самым причудливым образом и украшенные снежными шапками. Река, заключенная в каменную трубу на том отрезке, где она находилась под тротуаром, издавала первобытный рев, доносившийся в комнату через открытую форточку.

Арсений схватил кресло, стоявшее у стены и, как показалось Марьяне, одним движением перекинул его к окну. Туда же последовал журнальный столик.

— Пожалуйста, — он жестом пригласил девушку присесть. Она положила куртку и шапку на диван, пожалела, что ней теплые лыжные штаны и уселась.

— А ты?

— Я за тобой поухаживаю. Чай, кофе?

— Потанцуем? — предложила Марьяна.

— Э-э, — растерялся Сеня.

— Пожалуй, я бы выпила чаю.

В этот момент входная дверь распахнулась и в номер ввалились Лось и Кузя, в расстегнутых куртках, с красными лицами, еле передвигающие ноги в тяжелых ботинках.

— У нас гости! — обрадовано завопил Кузя.

Марьяне показалось, что он сначала был удивлен, но замаскировал удивление радостью. Лось, как обычно, был невозмутим и, казалось, вообще не испытывал никаких эмоций.

— Добрый вечер, — церемонно произнес он.

— Привет, — отозвалась Марьяна.

— Мы слышали, ты лежишь с температурой и почти не дышишь. Очень приятно видеть, что это не так, — продолжал светскую беседу Лось, усевшись прямо на пол, чтобы снять ботинки.

— Кто это вам такого наплел? — возмутилась девушка.

— Близкий родственник, кто же еще, — сообщил Кузя, который просто сидел на полу и даже не пытался раздеваться.

— Уморились? — сочувственно спросила Марьяна.

— Не то слово. Может, завтра сделаем перерыв? — предложил Кузя.

— Мы всего на неделю приехали, — глубокомысленно изрек Лось.

— Да... маловато.

— Так, — строго произнес Сеня, возникший в дверях кухни с пачкой чая в руках. — Чего это вы себе позволяете? Развалились, как пьяные матросы в кабаке. Не видите, что ли, здесь дама!

— Мадам, — Лось вежливо поклонился.

Марьяна расхохоталась.

— Вам точно надо в цирке выступать.

— Ага, с номером «Лось ведет себя как настоящее животное, а человек Кузя не дотягивает даже до этого уровня». Вставайте немедленно.

— Это невозможно. Если бы кто-нибудь отнес меня и поместил в горячую ванну, я бы этому человеку был по гроб благодарен, — сказал Лось.

— Я не смогу, — улыбнулась Марьяна. — Ты, небось, килограмм сто весишь.

— Только если с рогами, — вставил Кузя. — А ванна — это дело. Только я первый. Слушай! — он хлопнул себя по лбу. — Я знаю!

— Как изготовить вечный двигатель?

— Что нас спасет.

— Ну? — вымолвил Лось.

— Сауна. Массаж. Турецкий хамам. И прочие СПА. И все это, кстати, на первом этаже нашего отеля! Да еще и включено в стоимость.

— Дру-уг! — протрубил Лось. — Ты — голова! Чего же мы раньше туда не ходили?

— Хорошо хоть на третий день сообразили! — радовался Кузя.

Когда друзья отбыли разогревать и разминать уставшие мышцы, Сеня принес Марьяне чай в большой кружке и блюдечко с красиво нарезанным лимоном.

— Я слышал, больным нужен бульон, — произнес он задумчиво, придвигая к окну еще одно кресло.

— И ты туда же, — вздохнула Марьяна. — Я не больная.

— Я ничего плохого не имел в виду. Но, правда, давай я закажу тебе бульон. И еще что-нибудь. И к нему... еще что-то. Мы же в кафе собирались. Ты сегодня ела что-нибудь?

— Мама запихала в меня ризотто. А хотела — котлеты с картошкой. Я тогда вообще на еду смотреть не могла.

— А сейчас?

— Сейчас, я, пожалуй, взглянула бы на что-нибудь. Типа десерта с фруктами.

Арсений нашел среди рекламных проспектов, сваленных на столике, меню и отдал

Марьяне для изучения. Она выбрала салат с моцареллой и запеченную грушу. Он решил, что ему нужно что-то более существенное, и остановился на лососе с гарниром. После того, как он продиктовал заказ по телефону, они сели у окна и стали смотреть, как над рекой сгущаются сумерки. Это происходило необыкновенно быстро, буквально на глазах. Картинка за окном меняла цвет от серовато-сиреневого до темно-синего, а потом и до черного.

— Как быстро тут темнеет, — произнесла Марьяна.

Она повернулась к Сене. В темноте она могла видеть лишь его силуэт, но все равно чувствовала, что он на нее смотрит. Она вдруг остро осознала, что они здесь одни, он так близко... Ее обдало волной жара, и, чтобы развеять наваждение, она хотела встать и включить свет. Но в этот момент в дверь постучали.

Сеня, впустил официанта и помог ему расставить тарелки на столике. Потом включил торшер, а люстру выключил.

— Так нормально? — спросил он. — Просто с верхним светом не видно того, что за окном.

— Так тоже почти не видно, — сказала Марьяна. — Хорошо было бы зажечь свечи...

— Свечи? Но у меня, наверное, нет... Я сейчас позвоню.

— Да не надо! Я пошутила. У нас же не романтическое свидание. Можно просто включить вон тот дальний светильник. Он не будет отбрасывать свет на окно. Правда, будет не очень хорошо видно, что мы едим... Но, я думаю, разберемся.

И она взяла в руку вилку.

— Так вы здесь пробудете неделю? — спросила Марьяна через некоторое время.

Она удивлялась необычной молчаливости Сени и не могла понять, в чем ее причина. Время от времени она ловила на себе его взгляд, и совершенно не могла понять его значение. Ей казалось, что он смотрит на нее как-то испуганно. Что его так пугает? Или это не страх, а какая-то тревога? Может, это вообще связано не с ней. Мало ли какие у человека неприятности.

— Да, такие были планы, — ответил он. — Маловато, конечно, но все же лучше, чем ничего.

— Что, каникулы заканчиваются? — улыбнулась Марьяна.

— Нет, не каникулы, — произнес Сеня серьезно.

Она посмотрела на него в недоумении. Да что происходит? Куда подевался его острый язык, его чувство юмора и легкость в общении? Его как будто подменили... Марьяна случайно взглянула на его тарелку и заметила, что он режет не лист салата, а бумажную салфетку.

— Эй, осторожнее, — произнесла она. — Твой аппетит меня просто пугает.

— Что? — он хлопал глазами, как будто только что проснулся. Потом посмотрел вниз и рассмеялся. — Надо держать себя в руках. Того и гляди перекинусь на шарфы и башмаки.

Он, действительно, совершенно не чувствовал вкуса того, что ест. В его мозгу молоточком звучала одна фраза: «Я должен сказать, сегодня я обязательно должен все сказать». Сначала он отложил объяснение до того момента, когда уйдут друзья, потом — до прихода официанта, последняя отговорка была: «Надо же сначала спокойно поесть». Все, больше откладывать нельзя. Хватит. Мужчина он, в конце концов, или где? Он никогда не испытывал страха перед важными событиями. Наоборот, он всегда чувствовал азарт и прилив адреналина. Когда ему было страшно что-то сделать, он просто выключал мозг, вместе со страхом, и делал. Не думая. Так же, как прыгают с вышки в воду. Или с трамплина

на снежной трассе. Все. Пора. Он глубоко вдохнул и произнес, чувствуя, что голос предательски дрожит:

— Марьяна, мне нужно кое-что тебе сказать.

Она бросила на него испуганный взгляд и вцепилась в подлокотники кресла. Почему-то ее напугал его серьезный тон. Сеня сполз со своего кресла и сел у ее ног. Теперь его бездонные серые глаза, в которых застыла тревога, были так близко... Он взял ее руку в свои ладони. Ее сердце стучало так громко, что он, наверное, его слышал.

— Когда я тебя увидел в аэропорту, — начал он, глядя на нее умоляюще, — я еще не понял, что совершенно пропал.

— А когда ты это понял? — она попыталась улыбнуться.

— Не знаю, — он пожал плечами. — На катке точно понял. Или еще в самолете... И я никак не мог тебе сказать, хотя все время собирался...

— Тс-с-с, — она приложила палец к его губам. — Может, не надо торопиться?

Он прижал ее руку к своей щеке, ее пальцы оказались на его виске, и она почувствовала, как бьется тоненькая ниточка пульса.

— Может, и не надо было бы, если бы все было по-другому, — он поцеловал ее ладонь. — Но я должен сказать тебе...

У Марьяны от прикосновения его губ по ладони, а потом и по всему телу разлилась горячая волна. Она сама не заметила, как провела по его волосам другой рукой. Волосы были густые, спутанные и мягкие.

— Марьяна, — услышала она хриплый голос Сени, — кажется, я тебя люблю. И...

Она наклонилась и прикоснулась губами к его губам. Он мгновенно лишился дара речи и забыл все заготовленные заранее слова. Исчезли все мысли, все благие намерения и правильные соображения. Исчезла вся вселенная. Остались только ее губы, нежные, горячие, то неуверенные, то страстные, дразнящие и зовущие...

Марьяна совершенно не помнила, как они оказались в спальне, видимо, в тот момент, когда ей показалась, что она парит в безвоздушном пространстве, Сеня нес ее на руках. Их как будто накрыло лавиной и унесло в какой-то другой мир, где не нужны были слова, где они общались при помощи прикосновений и понимали друг друга с одного, еле заметного, касания. Этот мир был невыразимо прекрасен, и невозможно было поверить, что все это происходит на самом деле, что реальность может быть такой чудесной.

Они проснулись от того, что услышали за дверью голоса. Это были Лось и Кузя. Марьяна испуганно натянула на себя одеяло, а Сеня притянул ее к себе и поцеловал в шею. Его губы... она знала, какие волшебные ощущения они могут подарить...

— Наверное, уже очень поздно, — прошептала она. — Мне пора.

— Разве тебе нужно уходить?

— Да. Меня потеряют.

— Я тебя провожу.

Марьяна смущенно огляделась в поисках одежды.

— Надеюсь, ничего не осталось в гостиной, — пробормотала она.

— Все твои красивые вещички здесь, — Сеня извлек ее белье из-под одеяла. — Но мне так не хочется тебе их возвращать. По-моему, без них гораздо лучше.

— Но мне правда нужно идти...

— Тогда я сам тебя одену.

Одевание затянулось надолго, но все же было успешно завершено. Голоса за стенкой

затихли. Влюбленные вышли в гостиную, а потом, разговаривая шепотом и постоянно хихикая, выбрались на улицу. Им было так сложно расстаться у дверей гостинцы Марьяны, но Сеня, почувствовав, что нос щеки девушки стали ледяными, сам затолкал ее вовнутрь.

— Увидимся завтра, — произнес он.

— Обязательно, — улыбнулась она и послала ему воздушный поцелуй.

Глава 8

Марьяна подошла к окну, потянулась, улыбнулась солнцу, выглянувшему из-за снежных вершин, посмотрела вниз... и застыла от неожиданности — у входа в гостиницу стоял Сеня с букетом розовых тюльпанов. На белом снежном фоне цветы полыхали пожаром. Она помахала ему и собралась открыть окно, но в этот момент услышала скрип двери. Девушка резко повернулась к окну спиной. Ей совершенно не хотелось, чтобы кто-то увидел Сеню и предназначенный ей букет.

Это был Ромка. И чего его занесло в ее комнату? Надо было крикнуть, что она переодевается. Но теперь уже поздно. Он видит, что она стоит у окна в халате и тапочках. Надо сделать так, чтобы он не подошел к окну и не посмотрел вниз... Или он уже все увидел из своей комнаты и поэтому пришел? Окна-то выходят на одну сторону. Если видел, будет сейчас издеваться.

— Ну ты соня, — произнес брат, вроде бы совершенно нейтральным тоном.

— А что, уже поздно? — рассеянно спросила Марьяна.

— Одиннадцать часов. Ты, кстати, во сколько вчера пришла?

Он плюхнулся в кресло у стены.

— А что? Ты волновался? — лучшая защита, как известно, нападение.

— Мама волновалась.

— Да ты что? Я ее кстати, предупреждала, что задержусь.

— В три часа тебя еще не было, — спокойно констатировал Роман. — Арамис мне привет не передавал?

Вопрос звучал очень странно, но Марьяна почти не обратила на это внимания. Она чувствовала страшную неловкость. Конечно, она уже взрослая. Но брат есть брат. Она никогда не обсуждала с ним свою личную жизнь. И он, кажется, должен понимать, что эти разговоры неуместны. В обычной ситуации она бы просто выставила его за дверь, но сейчас у нее почему-то не хватало духу вести себя как ни в чем ни бывало.

От воспоминания о вчерашней ночи вся кровь прилила к голове, она чувствовала, что щеки полыхают, и ей казалось, что Ромка это видит и прекрасно понимает причину. Смотрит как-то слишком пристально и как будто осуждающе... В конце концов, какое ему дело?! Марьяна решила проигнорировать его вопрос и перевести разговор на нейтральную тему.

— По-моему, маме с папой здесь нравится, — сказала она. — А Кирилл вообще в восторге. Он мне вчера сказал, что хочет стать лыжным инструктором, представляешь?

— Ага, — пробурчал брат. — А еще он хочет быть летчиком, барменом и Губкой Бобом.

— Губкой Бобом? — засмеялась Марьяна.

— Ну так вот, — начал брат.

— А тебе здесь нравится?

— Мне? — он очень удивился вопросу. — Нравится.

— И цена нормальная, потому что не сезон и скидки. И отель как раз для семейного отдыха. И четыре звезды у него настоящие, а не для красоты нарисованы. Так?

— Ну, — Роман был полностью сбит с толку. — Только я не пойму, к чему ты все это говоришь?

— А к тому, что этот отдых организовала я. Я все придумала и все нашла. Выбрала, забронировала, купила билеты... Вам осталось только сесть в самолет и прилететь.

— Спасибо тебе, конечно, дорогая сестренка...

— А ты говорил, что из меня ничего не получится! Я профессионал, понятно? Я столько знаю о туристическом бизнесе, что тебе и не снилось. — Для убедительности Марьяна топнула ногой. — И я хочу сказать, что ты совершенно напрасно не хотел знакомить меня с Журавлевым. Теперь-то ты это понимаешь?

Роман несколько секунд открывал и закрывал рот, ошарашенный ее напором, а потом вскочил на ноги, подбежал к окну, вернулся обратно и прокричал:

— Так ты все еще хочешь познакомиться с Арсением Журавлевым? Прямо-таки горишь желанием?

— Чего ты разорался? — удивилась Марьяна. — Я просто хочу, чтобы ты пообещал, что скажешь ему обо мне, когда будет такая возможность.

— Хорошо, я познакомлю тебя с ним. Пошли.

Он схватил девушку за руку и потащил за собой.

— Ты что, совсем спятил? — возмутилась Марьяна, когда он вытолкнул ее из номера и фактически впихнул в лифт. — Куда ты меня тащишь? Я в халате, между прочим!

В холле несколько человек сидели в креслах, а молодая семья с ребенком стояла у стойки регистрации. Когда Марьяна с Романом вылетели из лифта: она, раскрасневшаяся и растрепанная, в халате и тапочках и он, злой и решительный, тянущий ее за руку, все головы повернулись в их сторону.

— По-моему, ты рехнулся, — прошипела девушка, одной рукой запахивая халат.

Ромка, не сбавляя темпа, тянул ее к выходу на улицу. Дверь распахнулась, в лицо Марьяне ударил свежий морозный ветер. Сеня с букетом стоял у скамейки. При виде вывалившейся из гостиницы парочки, его лицо, на котором до этого блуждала мечтательная улыбка, резко изменило выражение. Марьяне показалось, что на нем мелькнул страх... В чем дело? Она совершенно не могла понять, что нашло на ее брата, обычно довольно уравновешенного, и что вообще происходит.

— Ты хотела познакомиться с Арсением Журавлевым? — обратился он к Марьяне.

— При чем тут это? — Она резко дернулась и, наконец, смогла вырвать свою ладонь из его цепкой руки.

— Знакомься, — произнес брат глухим голосом. — Арсений Владимирович Журавлев, директор «Синей птицы».

И подтолкнул ее к Сене. Тот смотрел на Романа и не смотрел на Марьяну. Девушке показалось, что она спит и видит дурной сон, где все невероятно запутано и понять смысл происходящего нет никакой возможности.

— Кто — Арсений Журавлев? — пролепетала она.

— Вот он, — Ромка кивнул в сторону Сени. — Покажи ей паспорт.

— Нет у меня паспорта! — зло ответил тот. — А ты...

— Я тебя предупреждал.

— Да что тут, в конце концов, происходит? — воскликнула Марьяна.

— Да, я Арсений Журавлев, — Сеня наконец-то посмотрел на нее. — Извини, что так получилось. Я не хотел тебя обманывать. Это случайность. А потом... я никак не мог выбрать момент, чтобы признаться.

— Ты... — Марьяна задыхалась, слова застревали у нее в горле и не хотели идти

наружу. — Так ты не студент?

Он помотал головой.

— А твои друзья...

— Да. Мы с Само... с Ромкой все вместе учились.

— И вы все...

— Марьяна... — Сеня шагнул к ней и взял ее за руку. — Все, что было...

— Я понимаю... — прошептала она. — Это было так смешно.

— Нет! — его крик был похож на стон. — Нет! Это было...

Марьяна резко развернулась и быстрым шагом направилась в гостиницу. И ей было совершенно плевать на то, что все на нее смотрят.

— Доволен?! — Арсений швырнул букет прямо в лицо Романа и зашагал в противоположную сторону.

Роман схватился за голову, пробормотал что-то невнятное и упал на скамейку. И дернул же его черт влезть в эту историю!

Первой, кого она встретила в дверях, была Катя.

— Ты знала? — спросила Марьяна без предисловий.

— Я... — начала Катя.

По ее виноватому виду и так все было понятно.

— Вы все смеялись надо мной!

— Да нет же! Никто над тобой не смеялся! Я вообще была против, но Рома...

— Не произноси при мне этого имени.

И она захлопнула дверь своей комнаты.

Распахнув шкаф, Марьяна достала чемодан и бросила его на кровать. В него полетели свитера, джинсы, носки... На опустевшей полке лежал билет на самолет с оторванным корешком. На тот самый самолет, на котором она сюда прилетела. Где она познакомилась с этим... С этим...

Марьяна упала на кровать и разрыдалась. Она не собиралась плакать. Она не думала, что внутри у нее столько боли. Как он мог... Зачем ему все это было нужно? Это, конечно, очень весело — притвориться студентом, завести курортный роман с первой попавшейся дурочкой, потом будет, что вспомнить. И друзьям весело. Всем весело, все развлекаются, все все знают, и только она ежеминутно выставляет себя полной идиоткой!

А когда она вспомнила, как рассказывала ему — Арсению Журавлеву! — свои планы по организации необычных туров, на нее обрушился такой шквал эмоций, что она запустила в стену настольной лампой. Лампа разлетелась на мелкие осколки, но легче Марьяне не стала. Он слушал ее, задавал вопросы... а сам смеялся над ней! И как только ему удавалось сдерживаться и сохранять заинтересованный вид?

Дверь в ее комнату немного приоткрылась, Марьяна запустила в нее подушкой и дверь захлопнулась снова. Почему они не оставят ее в покое? Как ей хочется отсюда исчезнуть! Испариться, оказаться в каком-нибудь другом месте... Дома. Она хочет домой. В свою крошечную съемную квартирку, которая за полтора года стала родной. Сесть на любимый диванчик у окна, завернуться в плед и... выплакать все свои слезы. Дома, а не здесь. Все, хватит. Она должна успокоиться.

Услышав скрип двери, Марьяна снова приготовила подушку, но это была не Катя и не Рома, а папа.

— Эй, — сказал он. — Ты чего тут буянишь?

— Пап, мне надо уехать.

— Надо — езжай. И брось ты этот чемодан, мы его привезем. Хочешь, я тебя провожу в аэропорт?

— Нет, — Марьяна помотала головой. — Лучше вызови мне такси.

— А самолет есть?

— Не знаю. Я там подожду.

Папа скрылся за дверью. Через пять минут он появился снова.

— Я забронировал тебе билет. Самолет через три часа. Как раз успеешь.

— Спасибо!

Марьяна уже переоделась и взяла свою сумку.

— Документы не забыла?

— Нет, все на месте.

— Деньги у тебя есть?

— Есть, не волнуйся.

— Они все дураки, — неожиданно сказал папа.

— Ты уже знаешь? — спросила Марьяна.

— В общих чертах, — ответил он. — Не забивай себе голову.

— Я постараюсь. Ну, пока, — она чмокнула его в щеку. — Маме привет. И Кириллу. Больше никому.

Устроившись на своем месте у окна, Марьяна вставила в уши наушники и включила Джо Дассена. Он ее всегда успокаивал. Она натянула на голову капюшон своей толстовки, закрыла глаза и постаралась сосредоточиться на расслабляющей мелодии и приятном хрипловатом голосе романтического француза.

Ей почти удалось выбросить из головы все мысли и все огорчения, она почти задремала и очнулась от того, что почувствовала легкое прикосновение к своей руке. Она вздрогнула и открыла глаза. Сначала она увидела руки, застегнувшие ее ремень. Очень знакомые руки...

— Ты! — воскликнула Марьяна и отпрянула от Арсения.

Но деваться было некуда. Она сидела в кресле, он сидел рядом, самолет выезжал на взлетную полосу.

— Выслушай меня, пожалуйста, — он смотрел на нее умоляющими глазами.

Марьяна отвернулась, вставила в уши выпавшие наушники, надвинула капюшон, откинулась в кресле и закрыла глаза. Сначала ее мысли метались, как стая тигров в тесной клетке. Как он здесь оказался? Зачем он здесь? Что ему нужно? Она не собирается выслушивать его оправданий. Что бы он ни сказал, это ничего не изменит. Она не хочет его видеть. И слышать. И знать. Она очень жалеет о том, что встретила его в тот злополучный день. Как было бы здорово, если бы ничего этого не было!

Секунды и минуты тянулись невыносимо медленно, а ведь полет длится больше двух часов. Это было настоящей пыткой. Она чувствовала его взгляд, ей хотелось спрятаться, закрыться от него прочной высокой стеной. Марьяна не хотела открывать глаза, но, с другой стороны, ей было очень сложно держать их закрытыми. Но она собрала всю свою волю в кулак и... задремала. Она бы не поверила, если бы ей сказали, что она может уснуть в такой ситуации. Но она уснула. Сказались бессонные ночи, активные дни, переживания. Она просто очень устала.

Девушка не заметила, как ее голова опустилась на плечо соседа, не почувствовала, как он поправлял ее волосы и держал ее за руку. Она проснулась, когда самолет приземлился. В первую секунду она улыбнулась Арсению, но проснувшись окончательно и вспомнив все, что произошло, вырвала свою руку из его руки и снова схватилась за запутавшиеся наушники.

Но наушники не понадобились — он молчал. Смотрел на нее и молчал. Она чувствовала его неотрывный взгляд, от которого пылали щеки. Лица его она видеть не могла, потому что смотрела вперед, но она знала, что на нем застыло выражение растерянности и отчаяния.

Все пассажиры двинулись к выходу, но Арсений и не думал вставать. Марьяна тоже оставалась на месте, ведь она не могла выбраться, пока он не поднимется.

— Молодые люди, полет окончен, — произнесла подошедшая к ним стюардесса.

Марьяна встала, ее сосед тоже поднялся и вышел в проход, пропустив ее вперед. Больше она не оглядывалась. Ни когда спускалась по трапу, ни когда шла через аэропорт, ни когда садилась в такси. Она оглянулась, только заходя в подъезд. Ее такси отъехало, его место заняла другая машина. Сквозь стекло девушка увидела знакомую фигуру на переднем пассажирском сиденье.

Она вошла в подъезд и захлопнула за собой дверь. Оказавшись в квартире, Марьяна первым делом подошла к окну. Машина все еще стояла у ее подъезда. Через минуту раздался звонок в дверь. Она вздрогнула, но осталась стоять у окна. Звонок повторился, потом еще раз. Марьяна закусила губу. Нет. Она не откроет. Она не хочет его видеть. Это ее окончательное решение.

Глава 9

— Ты меня в гроб загонишь, — сказала мама и положила на тарелку Марьяны еще один блинчик.

— Я?!

— Ну он же извинился.

— Пять раз, — кивнула Марьяна.

— Чего тебе еще надо?

— Я все еще на него злюсь.

— Ну так перестань! Тебе же от этого хуже.

— Почему это мне?

— Ты хмуришься и становишься похожей на мартышку.

— Ах, на мартышку!

— Может, ты еще и на меня обидишься и разговаривать не будешь?

— Нет, на тебя не обижусь, ты вкусные блинчики печешь.

— Слыханно ли дело: дети второй месяц друг с другом не разговаривают, — продолжила мама давно надоевший Марьяне разговор.

— Все, хватит. Я перестала злиться.

— Ну наконец-то!

— Завтра ему позвоню и приглашу в гости. С Катей и Кириллом.

— Ну тогда бери еще блинчик.

— А с собой завернешь?

— А как же!

— Я подумал и решил: нам нужно поучаствовать в этом мероприятии. Раз уж мы открываем новые направления. Нужно все посмотреть своими глазами.

— Вы едете на туристическую выставку в Таиланд? — Марьяна удивленно уставилась на своего начальника.

В последнее время его как будто подменили: развил небывалую активность, нашел новых партнеров и, наконец, внял словам своего менеджера о необходимости осваивать новые сферы и расширять влияние на потребителя. А теперь еще и на международную выставку собирается! Чудеса, да и только. Может, это весна на него так действует? Гормоны, птички, цветочки...

Марьяна посмотрела на букет гербер, стоявший на ее столе. Второй, из хризантем, стоял на подоконнике, третий — белые лилии — расположился в вазе на полу. Дома была приблизительно такая же картина. Цветы, цветы, цветы. Арсений присылал букет с короткой запиской «Прости» каждый день. Иногда домой, иногда в офис, а когда она проводила выходные на даче у подруги, курьерская служба доставила цветы прямо туда. Интересно, как он узнал тот адрес? Не иначе, от Романа. Но брат не признается, говорит, что ни при чем.

— Марьяна Викторовна, вы в каких заоблачных высотах витаете? — вернул ее на землю голос Артура Борисовича.

— Я внимательно вас слушаю. Так вы говорите, поедете на выставку? Билеты уже

заказали? Гостиницу забронировали?

— Вообще-то я говорю совсем не это.

— Да, а что? Извините, задумалась.

— Что-то вы частенько в последнее время задумываетесь. Весна, что ли, на вас действует? Хотя, что я спрашиваю, ясно же — любовь-морковь и все такое. — Он покосился на цветы.

— Так о чем это мы? — попыталась сменить тему Марьяна.

— Я говорю: вы летите на выставку, а не я.

— Я?!

— Думаю, у вас лучше получится. Свежий взгляд, новые идеи и так далее. Но я буду ждать от вас очень подробного отчета, — строго добавил он.

— Конечно, — быстро усмирила свою радость Марьяна. — Отчет будет детальным. Вам понравится.

Марьяна паковала чемодан. Пара деловых костюмов, джинсы, куртка, туфли... Она покосилась на длинное бирюзовое платье из легкой струящейся ткани, висевшее на дверце шкафа. Братъ или не братъ? Она знала, что выглядит в нем потрясающе, просто сногшибательно. Как принцесса. Да что там, как настоящая королева. Вот только для чего ей быть королевой? Вернее — для кого?

А вдруг он все же там будет? Такое вполне возможно. Международная выставка, одна из самых крупных, присутствуют все заметные фигуры туриндустрии. Кто-то из его компании будет точно, но вряд ли он сам. Марьяна подошла к платью, провела рукой по шелковистой ткани, сняла его с плечиков и повернулась к зеркалу. Под воздействием нежной бирюзы ее глаза засветились необыкновенным светом, губы приобрели коралловый оттенок, а кожа стала выглядеть слегка загоревшей. Решено. Она его берет. Почему нет? Места в чемодане достаточно.

Девушка аккуратно сложила любимое платье и закрыла чемодан. Завтра тяжелый день, долгий перелет. Нужно лечь спать пораньше, но она прекрасно понимала, что не сможет уснуть. Она и усидеть спокойно не может, какой там сон! Марьяна шагала от окна до двери, потом поворачивала налево, заходила в кухню, выглядывала в окно, снова шла в свою единственную комнату, служившую и спальней, и гостиной, и кабинетом... Так продолжалось до тех пор, пока она твердо не сказала себе: хватит.

Надо выпить чай с ромашкой и мятой. Кажется, это успокаивает. Жаль что нет какого-нибудь более действенного средства. Лошадиная доза снотворного ей бы сейчас не помешала. Ну, нет так нет. Обойдемся ромашкой. Марьяна положила в кружку два пакетика, потом подумала, и добавила еще два. Чтоб уж наверняка. С кружкой успокоительного чая она села на диван и укрыла ноги пледом.

И чего это она так разволновалась? Даже если она встретит Арамиса, вернее, Сеню вернее, Арсения Журавлева, что случится страшного? Это все равно должно рано или поздно произойти. Не может же она всю жизнь от него бегать. Хотя... в последнее время он не предпринимал попыток с ней встретиться. Только присылал цветы и традиционную записку. Марьяна ни за что бы в этом не призналась, но в глубине души это ее огорчало.

Она уже почти не злилась на него. Это поначалу ее захватила волна гнева и негодования. Она подозревала злой умысел, была уверена, что стала объектом жестокой насмешки. Но потом, остыв и поразмыслив, поняла, что все произошедшее, действительно,

было случайностью. Она вспомнила, что сама спросила его о месте учебы, а он сначала растерялся. Правда, потом быстро сообразил, что ответить. Да еще и Ромка изо всех сил выгораживал своего однокурсника. Но все равно он должен был признаться!

С одной стороны, ей очень хотелось с ним встретиться. Она, как ни старалась, не могла забыть его восторженного взгляда, пылких губ, нетерпеливых рук. Те три дня, которые они провели вместе, были самыми необыкновенными в ее жизни. Все происходило так стремительно, ей казалось, что она знает его много лет, такой он близкий и родной... Оказалось, что она его совсем не знала. Или знала? Какая разница, как его зовут и где он работает, если между ними полыхало настоящее пламя?

С другой стороны, Марьяна очень боялась этой встречи. Она не знала, как себя вести, что говорить, как его называть, в конце концов. Про себя она продолжала звать его Сеней. Сеня... Он так здорово смеется, легко и искренне, как пятилетний мальчишка. Его смех напоминает колокольчики. Они звенят тихо, еще тише, и совсем замолкают... Марьяна выпустила кружку из рук, закрыла глаза и крепко уснула, положив голову на мягкий подлокотник.

Бангкок ее ошеломил и переполнил впечатлениями. Огромный стеклянный аэропорт, фантазмагорические небоскребы, мосты и каналы, храмы и рынки — все смешалось в нескончаемую пеструю круговерть. Она была бы абсолютно счастлива, если бы не одно обстоятельство: Сени не было среди представителей российской туриндустрии. Она совершенно напрасно волновалась. И зря взяла с собой бирюзовое платье.

Выставка начала свою работу на следующее утро, с официального открытия, во время которого было произнесено множество длинных и довольно скучных речей о развитии сотрудничества между туристическими компаниями Таиланда и других стран. Зачем столько слов, и так понятно, что сотрудничество необходимо, вон сколько народу приехало! В огромном зале не было свободных мест, он был заполнен людьми с разным цветом кожи, разрезом глаз и представлениями об этикете. Марьяна с любопытством оглядывалась, ей еще никогда не приходилось бывать на таком масштабном мероприятии. Это так волнующе! Теперь ее работа, действительно, похоже на ту, о которой она мечтала. Завтра, после деловых мероприятий, можно будет поехать на экскурсию, а в самом конце ожидается грандиозная вечеринка.

После открытия Марьяна ненадолго вернулась в отель, который был совсем недалеко от выставочного центра. Она поняла, что напрасно надела свои самые красивые туфли на высоком каблуке. Ей предстояло обежать всю выставку, которая занимала огромное пространство, а делать это в такой обуви было неудобно. К тому же она обратила внимание, что остальные участники не очень заморачивались по поводу своего внешнего вида, главным критерием, видимо, считалось удобство, и большая часть представительниц слабого пола была одета в белые рубашки, брюки и удобные мокасины или кроссовки.

— Пошли встречать автобус с земляками, — предложила Марьяне ее соседка по этажу Полина, когда она вышла из номера.

— С земляками?

— Ну, там еще ребята из России приехали.

— А... ты иди, а я сейчас. Кое-что забыла.

Она зашла в номер, захлопнула за собой дверь и прижалась к ней спиной. А вдруг он там? Ну и что? Она же сама хотела с ним увидеться. Марьяна подошла к зеркалу, подкрасила

губы, провела по волосам расческой, потом повертелась, чтобы убедиться, что юбка-карандаш длиной чуть ниже колена с небольшим разрезом сбоку сидит на ней идеально. Она взглянула на сиротливо стоящие возле кровати туфли на шпильках... скинула удобные балетки и вышла из номера, цокая каблучками.

Марьяна заметила его издалека. Она только что вышла из лифта, а он входил в отель через огромную вращающуюся дверь. На несколько мгновений толпа, скопившаяся у входа, закрыла его, а, когда он ее миновал, Марьяна увидела, что он не один. Рядом с ним, держась за его локоть, шла яркая высокая блондинка в желтом платье. У него на плече висела небольшая дорожная сумка, а за собой он катил светло-бежевый чемодан, явно женский.

Резко шагнув назад, Марьяна наступила на ногу какому-то китайцу, он начал извиняться и кланяться, она тоже попыталась пробормотать извинения по-английски, но язык не слушался и не мог выговорить нужные слова. Она втиснулась в лифт, который уже почти захлопнулся, выскочила на своем этаже и бросилась в номер.

В первое мгновение она была ошеломлена и почти ничего не чувствовала, кроме желания быстрее скрыться. Но, оказавшись в номере, наедине с собой, Марьяна почувствовала раздирающую боль в груди, она почти услышала, как с громким звоном разбиваются ее мечты и надежды, как умирают ее нежные чувства.

Зачем, зачем только она сюда приехала! Она и представить не могла, что ее сердце может так сжиматься, и так мучительно разрываться на части. Марьяна не могла сдержать рыданий. Слезы катились по ее щекам, она вытирала их ладонями, приказывала себе успокоиться, и снова начинала рыдать. Лучше бы она сюда не приезжала и не видела его, такого счастливого с этой... знойной красоткой. Да, надо признать, девушка очень красива. Гораздо красивее ее. Она просто невзрачная серая мышь, да еще и такая маленькая, что ее почти невозможно заметить.

Но как он мог... А как же цветы? Зачем он посылает ей каждый день букет цветов, да еще и записку «Прости»? Это что — какое-то извращенное лицемерие? Да он просто сделал заказ в цветочной фирме! Оптом. Сделал и забыл. А она радовалась каждому букету, как последняя дуручка...

Все. Все кончено. Все уже давно кончено, просто она узнала об этом только сейчас. Она больше не будет из-за него плакать. А при встрече просто равнодушно посмотрит сквозь него, как будто бы никогда раньше не встречала. И вовсе не рада тому, что встретила сейчас. Она будет его игнорировать. Или окатит ледяным презрением.

Но ни одного из своих намерений Марьяна осуществить не смогла. Как только Арсений появлялся на горизонте, ноги девушки как будто сами собой уносили ее как можно дальше от этого места. Она не могла набраться решимости и встретиться с ним лицом к лицу. Затеряться на многолюдной выставке было бы совсем не сложно, если бы не два препятствия. Во-первых, большая часть знатоков туризма из России держалась вместе, особенно в свободное время. Арсений при этом обычно находился в самом центре шумной компании. Марьяне же приходилось этих компаний избегать, хотя это совершенно не соответствовало ее желаниям. Ей тоже хотелось веселиться, шутить и дурачиться! А приходилось вести себя как какая-то зануда, которая думает только о работе и избегает развлечений.

Вторым препятствием было то, что ей нужно было работать. Собирать информацию, знакомиться, договариваться. Выбирать фирмы, с которыми они могли бы сотрудничать.

Она не хотела провалить свое первое серьезное задание из-за того, что ей приходится вести почти партизанскую жизнь.

Ей удавалось прятаться. Шел уже второй день выставки, а она еще ни разу не столкнулась с Арсением нос к носу. Марьяна не была на сто процентов уверена, что он ее не видел, но очень на это надеялась. Зато она видела его практически на каждом шагу. Иногда он был один. Иногда — с той эффектной брюнеткой. Марьяна видела их вместе в ресторане, где они над чем-то хохотали, на фуршете, где они стояли очень близко и улыбались друг другу, на улице, где он открывал перед ней дверцу такси... Это было невыносимо.

Марьяна поднималась по лестнице с целым ворохом проспектов, буклетов, образцов договоров и прочей рекламно-туристической продукции. Она не поехала на лифте, потому что у входа скопилась довольно большая толпа, и ей не хотелось ждать. Подумаешь, восьмой этаж. Тем более, что она не на каблуках. Она теперь носит удобные балетки и простые брюки. Лестница была совершенно безлюдной. Никто не хотел утруждать себя, все предпочитали стоять в очереди у лифта.

Ближе к шестому этажу Марьяна почувствовала, что запыхалась, и сбавила темп. Действительно, чего это она так несется? Все официальные мероприятия закончились, торопиться некуда не нужно. Весь вечер в ее распоряжении. Наверное, она пойдет бродить по городу одна. Хотя ей очень хотелось присоединиться к компании, которая собиралась в тур по ночным клубам. Полина так заманчиво расписывала ей их планы! Но она не была уверена, что там не будет Арсения Журавлева. И поэтому отказалась.

В этот момент она подняла глаза и увидела перед собой того, о ком только что подумала. Он сидел на ступеньках и смотрел на Марьяну. Лицо его было серьезно, а взгляд показался девушке каким-то тяжелым. Она застыла, не в силах сдвинуться с места или произнести хоть слово. Он появился перед ней слишком неожиданно, она была не готова к этой встрече, она не знала, что говорить. Ей хотелось одного: убежать куда-нибудь подальше от этих серых внимательных глаз.

— Сколько еще ты собираешься от меня бегать? — как будто прочитав ее мысли произнес Арсений.

Она молчала и смотрела в сторону. Что ему от нее нужно? Он давно утешился, нашел себе другую, а теперь говорит с ней так, как будто в чем-то ее обвиняет. Ее просто бесит этот его начальственно-покровительственный тон! Она не его подчиненная и уж точно не хочет ею стать. Как хорошо, что когда-то давно она не устроилась на работу в «Синюю птицу»! Несладко, наверное, работать под началом такого надменного зануды.

Девушка собрала в кулак всю свою волю, окинула его холодным презрительным взглядом (во всяком случае, она надеялась, что этот взгляд был именно таким), обошла его и продолжила подъем по лестнице. Он остался сидеть на месте.

Переодевшись, Марьяна постучала в номер к Полине и заявила, что идет танцевать.

— Давно бы так! — обрадовалась новая знакомая.

Они спустились в холл, присоединились к шумной веселой компании, и все вместе вышли на улицу, чтобы пешком дойти до ближайшего клуба.

Глава 10

Утром у Марьяны немного болела голова, видимо, коктейлей вчера было больше, чем ей требовалось. Он даже проспала начало конференции. Что бы сказал Артур Борисович, если бы узнал, как она проводит время! А ведь она, на самом деле, очень ответственный человек и хороший работник.

Перед Марьяной, занятой покаянными мыслями, открылись дверцы лифта. Она уже занесла ногу, чтобы войти, но вдруг увидела, что у зеркальной стены, поправляя волосы, стоит та самая брюнетка, с которой приехал Арсений. Поколебавшись мгновение, девушка вошла в лифт и встала в противоположном углу. И не надо так волноваться. Очевидно, новая пассия Арсения ничего о ней не знает. Вряд ли он стал бы рассказывать, а тем более показывать ей Марьяну. Так что нужно сделать глубокий вдох, потом выдох, и постараться сохранять на лице отсутствующее выражение.

— Я его двоюродная сестра, — неожиданно произнесла брюнетка, повернувшись лицом к Марьяне. — Живу в другом городе и тоже занимаюсь туристическим бизнесом. Мы редко видимся.

Марьяна была настолько ошеломлена, что могла только хватать ртом воздух. Произнести что-либо внятное у нее совершенно не получалось.

— Он, конечно, идиот. Мог бы догадаться, что вы все неправильно поймете. Это же очевидно. Не знаю, как вы к нему относитесь, но у него все очень серьезно. Впервые такое вижу.

Она замолчала и продолжала смотреть на Марьяну.

— Я... — начала та, но совершенно не знала, как продолжить. Лифт остановился, естественным образом прервав их беседу. — Спасибо, — только и смогла пролепетать Марьяна.

Ей было стыдно, легко, неловко и весело одновременно. С ее плеч как будто упала невыносимо тяжелая ноша. О боже! Он не нашел другую. Он по-прежнему думает о ней! Марьяна, медленно шагая в сторону конференц-зала, почувствовала, что по ее щекам текут слезы. Это были слезы облегчения и радости, как небольшая тучка, после которой ясный день кажется еще более светлым.

докладов, зачитанных на конференции, Марьяна впоследствии не могла вспомнить ни одного слова. Она даже не знала, на какую они были тему. Не повезло Артуру Борисовичу с сотрудницей. Сидя в заднем ряду, девушка занималась одним: высматривала Арсения. Но его нигде не было. А вдруг он уехал? Может, у него появились какие-то неожиданные дела, а, может, из-за нее... Интересно, вчера ее взгляд, действительно, был ледяным и презрительным? Теперь ей очень хотелось верить, что у нее не получилось изобразить на лице нужные эмоции.

Его нигде не было. И, видимо, уже не будет. Он не пришел на конференцию, не появился на общем сборе, где были все их соотечественники. Ей так хотелось подойти к той девушке, его сестре, и расспросить ее подробнее. Что он говорил о ней? Куда подевался? Не изменились ли его чувства после вчерашней встречи? Но все-таки это было очень неловко — спрашивать ту, к которой она так глупо ревновала. Ведь она, точно, все поняла. Марьяна

уже почти решилась отбросить гордость и чувство неловкости и поговорить, но брюнетка, которая все время сидела на диванчике в дальнем углу холла, неожиданно исчезла.

Видимо, он все-таки уехал. И что теперь? Она вернется домой, и обязательно найдет его. И они, наконец, нормально поговорят. Она объяснит ему, что поняла все неправильно. Он расскажет ей, что думал и чувствовал в то время, когда она считала его студентом. Наверное, это будет даже забавно. Может, они даже будут смеяться. Конечно, будут! Ведь теперь она понимает, что это по-настоящему смешно. Она рассказывала ему, какой она профессионал в сфере туризма. Она даже сказала ему, что хотела бы загипнотизировать Арсения Журавлева. Ну и вид у него тогда был! Теперь понятно, почему он неожиданно схватился за голову.

Вспоминая те три дня, Марьяна понимала, что было много моментов, когда он хотел ей признаться. Но так и не решился. Последний раз это было в последнюю ночь, когда он сидел у ее кресла... Она тогда не дала ему договорить. А если бы он сказал? Девушка была вынуждена признать, что она бы разозлилась. Значит, он боялся не зря...

Марьяна очнулась. Ее мысли унеслись далеко, по привычному маршруту. Она часто вспоминала свои неожиданно закончившиеся каникулы, потому что знала, что такой счастливой, как с Арсением, она не была никогда в жизни. А вдруг она опоздает? Вдруг он, после последней встречи, когда она была такой презрительной и холодной, больше не захочет ее видеть? Может, его чувства перегорели? Он устал ждать, устал просить прощения... О господи! Что же ей делать? Не бежать же на самолет, чтобы догнать его! У нее билет на завтра. И один день, в любом случае, ничего не изменит. Если человек любит по-настоящему, его чувства не исчезнут за несколько часов. А если не любит? Тогда тем более глупо бросаться в крайности...

Сегодня будет веселая вечеринка. Все ждут ее с нетерпением, наряжаются, красятся, вертятся перед зеркалом. Планируют кого-то поразить или даже закрутить стремительный роман. Она вдруг поняла, на что это похоже. Последняя ночь в летнем лагере. Прощальный костер, всем весело и грустно одновременно. И даже те, с кем приходилось всю смену вести войну, кажутся вполне симпатичными людьми. Потому что знаешь, что, скорее всего, не увидишь их больше никогда в жизни.

В дверь постучали. Слабая надежда шевельнулась в душе Марьяны. Но это были Полина и Настя, ее соседки.

— У тебя, случайно, нет шпилек? — спросила Полина.

— Кажется, где-то были.

— Я тут решила соорудить Настене сногсшибательную прическу, а шпилек не хватает. У нее вон какие густые волосы.

Волосы у невысокой хрупкой девушки, и в самом деле, были потрясающие: длинные, шелковистые.

— А я бы так и оставила, — сказала Марьяна. — Очень красиво, зачем их прятать?

— Надоело, — объяснила Настя. — Хочется чего-нибудь новенького. А ты чего не одеваешься?

— Да, я тут занималась кое-какими делами...

— А где твоё платье?

— Я, вообще-то, собиралась в юбке пойти.

— Да ладно. А это что? — Полина бесцеремонно открыла шкаф и обнаружила бирюзовое платье, которое Марьяна совершенно не хотела надевать. — О-о! Вот это я

понимаю! Решила сделать нам сюрприз? Все кавалеры будут твои.

— Не нужны мне никакие кавалеры.

— Да ладно. Всегда приятно, когда вокруг тебя мужчины в штабеля складываются. Даже если они тебе совершенно не нужны.

Действительно, раньше Марьяне это тоже было приятно. Но теперь... Она поняла, что за последние два месяца не посмотрела ни на одного мужчину. Все ее мысли были заняты только Сеней. Она думала о нем двадцать четыре часа в сутки, даже во сне! Наверное, это странно. Но ей все равно совершенно не хочется никого очаровывать.

— Начало через пятнадцать минут, — сказала Полина. — Ты не успеешь одеться. Она вынула платье из шкафа и зацепила крючок плечиков за верхний шпингалет на окне.

— Красота, — выдохнула Настя.

— Вы идите, я попозже приду, — сказала Марьяна.

— Эффектное появление в разгар вечера? — подмигнула Полина. — Сильный ход. Я бы не выдержала. Хочется посмотреть, что там будет с самого начала.

Когда соседки упорхнули, прихватив шпильки и лак для волос, Марьяна снова села на подоконник. Ей совершенно не хотелось никуда идти. Может, попозже... Но в глубине души она знала, что не пойдет. У нее совершенно не то настроение, чтобы оказаться в центре огромной толпы, слушать речи и тосты, пить коктейли с незнакомыми людьми и весело всем улыбаться.

В дверь снова постучали. Еще одна соседка по этажу, кажется, ее зовут Эльвира.

— Привет! — жизнерадостно произнесла она. — У тебя, случайно, нет бежевого пластыря? Я ногу натерла, а белый так некрасиво смотрится!

— Нет, — покачала головой Марьяна. — Вообще никакого.

— Жаль, — вздохнула посетительница.

— А ты покрась его тональным кремом.

— Ты гений! — девушка, довольная, убежала.

Не успела хозяйка комнаты снова подойти к окну, как дверь снова содрогнулась от стука. На этот раз кому-то срочно требовалась булавка. Объяснив, что не располагает этой важной вещью, Марьяна захлопнула дверь и решила больше на стук не реагировать. Она сидела рядом со своим бирюзовым платьем, смотрела на оживленную улицу, по которой сновали автомобили и мопеды и почти ни о чем не думала. Просто вспоминала лицо Сени. Постепенно хлопанье дверей и цоканье каблучков в коридоре затихло, и девушка почувствовала что-то вроде облегчения. Все ушли, она осталась одна.

Но вот снова стук в дверь. Не требовательный, как предыдущие, а робкий. Марьяна не шелухнулась. Постучат и уйдут. Через некоторое время стук повторился. Она продолжала сидеть. Неизвестный посетитель не унимался. Он постучал более настойчиво, а, когда девушка проигнорировала и это, начал по-настоящему барабанить в дверь. Нет, это просто возмутительно! Неужели непонятно, что ее нет или она не хочет открывать? Марьяна не выдержала и спрыгнула с подоконника.

— Нет у меня ни шпилек, ни пластыря, ни булавок! — выпалила она, распахивая дверь.

— Ну и не надо. Главное, что ты сама здесь, — произнес Арсений.

Марьяна от неожиданности не могла вымолвить ни слова, только смотрела на него во все глаза, не в силах поверить, что это происходит в реальности. Внезапно она осознала, что на нем черный смокинг, бабочка и начищенные ботинки, а она — в халате, ненакрашенная и

с растрепанной косичкой. Ну почему она не надела платье!

— Раз ты не хочешь ничего говорить, то я...

Он взял ее за талию, притянул к себе и поцеловал. Снова, как в первый раз, когда случился тот нежно-снежный поцелуй, земля ушла из-под ног Марьяны, а потолок закружился у нее перед глазами. Чтобы не упасть она зажмурилась и перестала понимать, где она, кто она... Ей хотелось только одного: чтобы этот волшебный поцелуй никогда не заканчивался. Так и случилось. Арсений захлопнул дверь и отнес ее на кровать. Вскоре уже было не важно, кто из них при полном параде, а кто в халате и без прически. Важно было только то, что они, наконец, вместе, что все недоразумения разрешились, и ничто не мешает им наслаждаться друг другом.

— Мне бы хотелось снять с тебя это платье, — произнес Арсений через несколько часов, глядя на легкое облако бирюзы, парившее на фоне окна.

— Да ты просто маньяк, — засмеялась Марьяна, пытавшаяся завернуться в простыню.

— Надень его, пожалуйста.

— Ну раз тебе так хочется... Но тогда ты наденешь свой смокинг. И бабочку.

— Всенепременно.

— Только... Мне нужно принять душ.

— Торопиться совершенно некуда.

Марьяна, после долгих препирательств, выгнала Арсения в прихожую. Она хотела предстать перед ним во всем великолепии, а он хотел наблюдать процесс одевания! Это невозможно. Вот теперь она готова. Волосы убраны наверх, ресницы подкрашены, легкий аромат духов, туфли на шпильке...

— Ох, — выдохнул Арсений. — Я знал, что ты будешь в нем красивой, но ты... ослепительна. Как солнце. И как море. И... как юная богиня. Мне даже немного страшно будет идти рядом с тобой.

— А мы куда-то идем? — удивилась девушка.

— Конечно. Я покажу тебе город. И весь мир.

— Прямо сейчас? — рассмеялась Марьяна.

— Начнем сегодня. А продолжим... Для продолжения у нас целая жизнь!

Больше книг на сайте - Knigolub.net